

Главный редактор научного журнала «PRIMO ASPECTU»
доктор педагогических наук, профессор,
проректор Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ)
Р. М. ПЕТРУНЕВА

Редакционная коллегия:

Багдасарьян Надежда Гегамовна – профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, профессор (Россия)

Вуков Николай – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Галиймаа Нямаа - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, Институт социальных и гуманитарных исследований, Монгольский государственный университет науки и технологий (Монголия)

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Россия)

Докторов Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской Академии социальных наук, независимый аналитик и консультант (США)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор Волгоградского государственного технического университета (Россия)

Жаркынбаева Роза Сейдалиевна – доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан)

Жураковский Василий Максимилианович – академик РАО, доктор технических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Звоновский Владимир Борисович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, президент Фонда социальных исследований (Россия)

Лашук Ирина Валерьевна - кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси (Белоруссия)

Леонтьева Елена Юрьевна – доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного технического университета (Россия)

Похолков Юрий Петрович – заведующий кафедрой организации и технологии профессионального образования Национального исследовательского Томского политехнического университета, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, Президент Ассоциации инженерного образования России (Россия)

Рашева Ивета – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Розов Николай Христович – декан факультета педагогического образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор член-корреспондент РАО, Заслуженный работник высшей школы РФ, Лауреат премий Правительства Российской Федерации в области образования (Россия)

Сазонова Зоя Сергеевна – доктор педагогических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия)

Стронгин Роман Григорьевич – президент ННГУ им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Российского союза ректоров, доктор физико-математических наук, профессор, председатель совета ректоров ПФО (Россия)

Троян Сергей Станиславович – заведующий кафедрой внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины, доктор исторических наук, профессор (Республика Украина)

Цэцэнбилег Цевений – профессор Монгольской академии наук (Монголия)

Чучалин Александр Иванович – председатель аккредитационного центра АИОР, доктор технических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия)

Юдит Аксади – профессор, старший научный сотрудник института теории и методологии научных исследований Венгерской академии наук (Венгрия)

PRIMO ASPECTU

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Дулина Н.В., д.соц.н., проф.
(ВолгГТУ)

Леонтьева Е.Ю., д.филол. н., проф.
(ВолгГТУ) (зам. председателя)

Артюхович Ю.В., д.филол.н., проф.
(ВолгГТУ)

Васильева В.Д., д.пед.н., проф.
(ВолгГТУ)

Виноградова Н.Л., д.филол. н.,
проф. (ВолгГТУ)

Леонтьев А.Н., к.филол.н., доц.
(ВолгГТУ)

Топоркова О.В., к. пед.н., доц.
(ВолгГТУ)

Овчар Н. А., к. соц.н., доц.
(ВолгГТУ) (ответственный секретарь)

Ануфриева Е.В., к. филол. н., доц.
(ВолгГТУ)

Международный индекс журнала
ISSN 2500-2635.

Журнал распространяется
по подписке.

Индекс журнала по каталогу
Агентства «Роспечать»
для Российской Федерации –
94192(ОК+ЭК). По вопросам
подписки обращаться
в издательство.

Тел. издательства ВолгГТУ:

(8442) 24-84-06

Факс (8442) 24-84-06

otr@vstu.ru

Научный журнал

Издается с января 2004 г.

Выходит четыре раза в год

№ 3 (27)
Сентябрь
2016

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ высшего образования

«Волгоградский государственный технический университет»

Адрес редакции:

Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.

Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

**Авторское право на журнал в целом принадлежит Учредителю,
на отдельные статьи – сохраняется за автором**

Перепечатка из журнала «PRIMO ASPECTU»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«PRIMO ASPECTU» обязательна

Head Editor of the scientific journal "PRIMO ASPECTU":

Petruneva R. M. – Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Vice-Rector of Volgograd State Technical University (VSTU)

Editorial board:

Bagdasarian Nadezhda Gegamovna – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Sociology and Culturology, Bauman Moscow State Technical University (Russia)

Vukov Nikolai - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Galiymaa Nyamaa - Doctor of History, Professor, Head of the Department of Human Sciences, Institute of Social and Humanitarian Studies, Mongolian State University of Science and Technology (Mongolia)

Ganapolsky Michael Grigoryevich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Principal Researcher, Institute of North Development Problems, Siberian Branch of Russian Academy of Science (Russia)

Doctorov Boris Zusmanovich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Associate of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and consultant (USA)

Dulina Nadezhda Vasilyevna - Doctor of Science (Sociology), Professor, Volgograd State Technical University (Russia)

Zharkynbaeva Roza Seydalievna - Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Zhurakovsky Vasily Maksimilianovich – Academician of RAO, Doctor of Technical Sciences, Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Zvonovsky Vladimir Borisovich - Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, President of Social Research Institute (Russia)

Lashuk Irina Valeryevna - Candidate of Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of NAS of Belarus (Belarus)

Leonteva Elena Yurievna - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Volgograd State Technical University (Russia)

Pokholkov Yuri Petrovich – Head of the Department of Management and Technology of Higher Professional Education of National Research Tomsk Polytechnic University, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation, President of the Association for Engineering Education of Russia (Russia)

Rasheva Iveta - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Rozov Nikolai Khristovich – Dean of the Faculty of Pedagogical Education, Moscow State University, Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (Russia)

Sazonova Zoya Sergeevna - Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Simonyan Renald Hikarovich - Doctor of Science (Sociology), Principal Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Strongin Roman Grigoryevich - Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, President of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Vice-President of the Russian Union of Rectors, Chairman of the Volga Federal District Councils of Rectors (Russia)

Troyan Sergey Stanislavovich - Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Foreign Policy and Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Ukraine Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (Ukraine)

Tseven Tsetsenbileg – Professor of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

Chuchalin Alexander Ivanovich - Doctor of Science (Technical), Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, Chairman of Accreditation Board of the Russian Association for Engineering Education (RAEE/AIOR) (Russia)

Judit Ascady - Professor, senior scientific researcher of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

PRIMO ASPECTU

VOLGOGRAD STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Editorial board:

Head Editor

Dulina N.V., chairman of the Editorial Council, Doctor of Science (Sociology), Professor (VSTU)

Leonteva E.Yu., vice-chairman, Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Artukhovich Yu.V., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Vasilyeva V.D. - Doctor of Science (Pedagogy), Professor (VSTU)

Vinogradova N.L., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Leontev A.N., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Professor (VSTU)

Toporkova O.V., Cand. of Science (Pedagogy), Assoc. Professor (VSTU)

Ovchar N.A., Cand. of Science (Sociology), Assoc. Prof., (VSTU) (Executive Secretary)

Anufrieva E.V., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Prof., VSTU)

International index of the journal
ISSN 2500-2635.

The journal is distributed
by subscription.

Index of the journal in the catalogue
of the Agency "Rospechat" for the
Russian Federation – 94192(OK+ЭК).
Concerning subscription turn to the
editorial office.

Tel. Of VSTU editorial office:

(+7 8442) 24-84-06

Fax: (+7 8442) 24-84-06;

otr@vstu.ru

Scientific journal

Published since January 2004

4 times a year

№ 3 (27)
September
2016

FOUNDER:

FSBEI of Higher Education
"Volgograd State Technical University"

Editorial office address:

Volgograd, Lenin avenue, 28.

Tel.: Head Editor – (+7 8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

The journal is registered at the Federal Service on Control in the Sphere of Communication, IT and Mass Communications (Roscomnadzor)
Registration certificate ПИ № ФС77–63553 of October 30, 2015

Is printed according to the decision of editorial-review board of
Volgograd State Technical University

*The copyright for the journal in general belongs to the Founder,
for separate articles – to authors.*

*Reprint from the journal "PRIMO ASPECTU" is strongly forbidden without
conclusion of an agreement in accordance with the legislation of the RF
When reprinting the materials, the citation to the journal
"PRIMO ASPECTU" is obligatory*

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Арбитаило И. Я. 25

Букалова Г. В. 53

Васильева В. Д. 63

Давыденко В. А. 12

Дулина Н. В. 37

Жолдубаева А. К. 7

Казанова Н. В. 73

Петрунева Р. М. 63

Ромашкина Г. Ф. 12

Тарасова А. Н. 12

Штыров А. В. 73

AUTHOR INDEX

Arbitailo I. Y. 25

Bukalova G. V. 53

Davydenko V. A. 12

Dulina N. V. 37

Kazanova N. V. 73

Petruneva R. M. 63

Romashkina G. F. 12

Shtyrov A. V. 73

Tarasova A. N. 12

Vasilyeva V. D. 63

Zholdubayeva A. K. 7

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Жолдубаева А. К.

- Мультикультурализм: социокультурная политика
и практика в Республике Казахстан..... 7

Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Тарасова А. Н.

- Институциональные ловушки развития сферы
здравоохранения (на примере Тюменской области)..... 12

Арбитайло И. Я.

- Система здравоохранения в оценках населения:
опыт социологических исследований..... 25

Дулина Н. В.

- Справедливое общество: мнение современной
студенческой молодежи (по итогам прикладного
социологического исследования)..... 37

ПЕДАГОГИКА

Букалова Г. В.

- Генезис нормы результата инженерного образования
в аспекте общенаучного понятия стандартизации..... 53

Васильева В. Д., Петрунева Р. М.

- Актуальные направления совершенствования
педагогического мастерства преподавателей
технического вуза..... 63

Штыров А. В., Казанова Н. В.

- Анализ ассоциативных рядов при диагностике
информационной компетентности студентов..... 73

CONTENTS

SOCIOLOGY

<i>Zholdubayeva A. K.</i>	
Multiculturalism: socio-cultural policy and practice in the Republic of Kazakhstan.....	7
<i>Davydenko V. A., Romashkina G. F., Tarasova A. N.</i>	
Institutional traps of development in the field of health (on the example of Tyumen region).....	12
<i>Arbitailo I. Y.</i>	
The health care system in the assessments of the population: the experience of sociological research....	25
<i>Dulina N. V.</i>	
Social wellbeing and religious orientations of modern students (based on the applied sociological research).....	37

PEDAGOGY

<i>Bukalova G. V.</i>	
Genesis of standards for engineering education result in the aspect scientific concept of standartization.....	53
<i>Vasilyeva V. D., Petruneva R. M.</i>	
Actual directions of improvement of pedagogical skill of teachers of technical university.....	63
<i>Shtyrov A. V., Kazanova N. V.</i>	
Analysis of the associative series in the diagnosis of students' Information competence.....	73

УДК 338

ББК 71.4

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

MULTICULTURALISM: SOCIO-CULTURAL POLICY AND PRACTICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ЖОЛДУБАЕВА Ажар Куанышбековна

Алматинский филиал Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов,
Алматы, Казахстан.

E-mail:azar.08@mail.ru

Аннотация. В данной статье осуществлен краткий анализ реализации концепции мультикультурализма в Республике Казахстан с целью определения проблем, тенденций и перспектив его развития.

Ключевые слова: мультикультурализм, национальные меньшинства, Конституция, социокультурная политика, индекс политики мультикультурализма.

ZHOLDUBAYEVA Azhar K.

Almaty branch of Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences,
Almaty, Kazakhstan.

E-mail:azar.08@mail.ru

Abstract. This article was done a brief analysis of the implementation of the concept of multiculturalism in the Republic of Kazakhstan in order to identify issues, trends and prospects of its development.

Keywords: multiculturalism, ethnic minorities, the Constitution, social and cultural policies, the index of the policy of multiculturalism.

То, что я с вами спору, не означает, что я отказываю вам в праве на иную точку зрения. Из этого даже не следует, что я с вами не согласен

Для Казахстана понятия, которыми традиционно оперируют при обсуждении проблем мультикультурализма, являются во многом новыми, поскольку у страны отсутствует тот многолетний опыт, накопленный в этой сфере западным миром. Но отсутствие опыта не снимает необходимости рассмотрения мультикультурализма как возможной стратегии развития общества, поскольку сосуществование этнических и конфессиональных групп в казахстанском пространстве сочетается с целым рядом проблем межэтнического и межрелигиозного характера.

Этнокультурный облик Казахстана отличается большим разнообразием. Казахстан стал родиной для людей различных рас, языков, вероисповеданий и культур. По данным статистических агентств, население страны говорит на 23 языках 125 наций и народностей, исповедует ислам, православие, протестантизм, католицизм, буддизм и иудаизм [1].

С момента обретения независимости государством был объявлен курс на построение нового поликультурного и толерантного общества. В основу государственного устройства Казахстана положен принцип формирования идентичности на базе гражданства, а не этнических признаков. Стратегическим приоритетом для современного Казахстана выступает достижение национального единства, основанного на признании ценности и равнозначности культур всех этносов, населяющих республику.

Реализация программы осуществляется посредством трех основных принципов:

- *«Одна страна, одна судьба»*. Данный принцип основан на гражданском понимании общества, идентификации себя прежде всего гражданином Казахстана, обладающего правом реализовывать гражданские права на свою культурную самобытность.
- *«Разное происхождение – равные возможности»*. В данном принципе речь идет об официальном признании поликультурности общества и равных возможностях реализации культурного потенциала личности.
- *«Развитие национального духа»*. Данный принцип уделяет большое внимание культурному компоненту в формировании новой, объединяющей страну идентичности, способной сохранить высокую степень межэтнической гармонии.

Но на первый взгляд кажущаяся мультикультурная идиллия на самом деле вызывает у многих исследователей массу вопросов, порождая противников и сторонников практики мультикультурализма.

Так, его противники рассматривают мультикультурализм как чужеродное явление и разрушительную идею, грозящую расколоть единое культурное пространство страны на мозаичные, не связанные друг с другом фрагменты, что сведет, по их мнению, на нет попытку создания единой национальной идеи. Среди наиболее опасных последствий мультикультурализма ими отмечается ряд факторов: этническая фрагментация общества; ухудшение самочувствия и ослабление роли казахского этноса как государствообразующей группы; маргинализация этнических общин.

В свою очередь, сторонники мультикультурной модели рассматривают ее как воплощение политического прагматизма, призывая распространить эту концепцию на практику межэтнических отношений в обществе. По мнению ее сторонников, мультикультурная модель развития общества создаст Казахстану ряд как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических выгод: снижение конфликтного потенциала в отношениях между этническими и конфессиональными группами; формирование единого евразийского пространства, базирующегося на многообразии этнических сообществ; повышение уровня толерантности.

В связи с незначительным приростом мигрантов мультикультурализм в Казахстане в большей степени ориентирован на национальные меньшин-

ства. Официального применения понятия «национальные меньшинства» в Казахстане не существует, соответственно, не существует официального разделения общества по принципу «большинство» и «меньшинство».

В целях объективной оценки казахстанского мультикультурализма как социокультурной политики и практики в данной статье представлен индекс политики мультикультурализма (ИПМ) [2]. Данный индекс основывается на политике, проводимой странами в отношении национальных меньшинств, миграционных меньшинств и коренных народов. Исчисление индекса политики мультикультурализма разработано научно-исследовательским Центром Королевского университета в Канаде. Именно на базе этого университета долгое время осуществляются исследования в области мультикультурализма и межэтнических отношений.

Индекс политики мультикультурализма подвергает анализу положение национальных меньшинств на основе следующих критериев: территориальная автономия; официальный статус языка; гарантии представительства национальных меньшинств в центральной власти; государственное финансирование образования на языках меньшинств (университетов/школ/СМИ); конституционное или парламентское утверждение мультикультурализма; международная правосубъектность. Расчет ведется по принципу: положительный ответ «да» – 1 балл, отрицательный ответ «нет» – 0 баллов, ответ «частично» – 0,5 балла.

1. *Существует ли в стране территориальная или квазитерриториальная автономия?*

Нет. Республика Казахстан является единым унитарным, демократическим, светским, правовым и социальным государством. Территория государства поделена на 14 административных единиц – областей, в каждую область назначается президентом страны областной аким, который отвечает за реализацию государственных программ. Этнические меньшинства проживают практически во всех областях Казахстана.

2. *Официальный статус языка.*

Да. Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык, русский язык имеет статус межнационального общения. Официальное делопроизводство ведется на казахском языке, однако повсеместно документация параллельно ведется на русском языке. Уровень владения русским языком населения республики достаточно высок. По переписи 2009 года в возрастной категории 15 лет и старше понимают русскую устную речь – 11 471 000 человек что составляет – (94,4 %), свободно читают – 10 724 900 человек или 88,2 % и свободно пишут – 10 309 500 человек, то есть 84,8 % населения страны [1].

3. *Существует ли законодательная база, гарантирующая представительство национальных меньшинств в центральной власти?*

Частично. Никаких официальных правил по обеспечению представительства национальных меньшинств в правительстве и парламенте Респуб-

лики Казахстан не имеется, однако представители всех этнических групп Казахстана имеют полное право, как и все граждане страны, голосовать и быть избранными в Парламент, маслихаты городов и районов. Всего в Парламенте работают представители 13, а в маслихатах – 32 этноса [4].

4. *Государственное финансирование университетов/школ/СМИ на языках меньшинств.*

Да. Конституция РК гарантирует бесплатное начальное, среднее образование, а также высшее образование. В настоящее время в стране действует 88 школ, в которых обучение ведется на русском, английском, французском, немецком, турецком, арабском, узбекском, таджикском, уйгурском, украинском языках. В 108 школах языки 22 этносов Казахстана преподаются в качестве самостоятельного предмета. Кроме того, функционируют 195 специализированных лингвистических центров, где можно изучать языки других этносов. В стране издаются 35 печатных изданий на 15 языках; в эфир телеканалов выходят передачи на 11 языках; работают 14 русских, узбекский, а также единственные в СНГ уйгурский, корейский и немецкий театры.

5. *Конституционное или парламентское признание многонациональности страны.*

Да. Первые строки Конституции Казахстана начинаются со слов: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия...» [4]. На территории республики работает 820 этнокультурных объединений, действующих во всех регионах страны. Каждая этническая группа страны имеет конституционное право на формирование официального национального культурного центра, направленного на сохранение культурного наследия своей национальной общины.

6. *Предоставляется ли международная правосубъектность?*

Нет. Правительство имеет полные компетенции в отношении международных дел, включая подписание двусторонних и многосторонних договоров, участие в международных организациях и представительства за рубежом.

На основании полученных значений складывается итоговый профиль страны, который имеет следующий вид (табл. 1–2).

Таким образом, данные индекса политики мультикультурализма для Казахстана имеют достаточно неплохие позиции, составляя 3,5 балла из 6 возможных, то есть демонстрируют показатель «выше среднего».

Таблица 1

**Индекс политики мультикультурализма
для национальных меньшинств Казахстана**

Варианты ответов	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Да		1		1	1	
Частично			0,5			
Нет	0					0

Таблица 2

**Индекс политики мультикультурализма
в отношении национальных меньшинств в странах Запада
(данные за 2015 г.) и Казахстана**

Страна	Террито- риальная автономия	Статус языка	Законо- дательная база	Финансиро- вание вузов/ школ/ СМИ	Признание многонацио- нальности	Международ- ная право- субъектность	Итого
США	1	1	0	1	0	0,5	3,5
Канада	1	1	1	1	1	1	6
Велико- британия	1	1	1	1	1	1	6
Франция	0,5	0,5	0	0,5	0	0,5	2
Казахстан	0	1	0,5	1	1	0	3,5

Осуществив краткий экскурс в практику мультикультурализма в Казахстане, можно сделать вывод, что, как и любая теория, мультикультурная модель развития общества имеет свои плюсы и минусы и не может рассматриваться в качестве идеальной модели решения проблем современного общества, однако определенные элементы данной концепции могут быть успешно использованы, что подтверждается успехами западных стран. И только от нас зависит, будем ли мы находить способы для обеспечения совместного и мирного сосуществования...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитический отчет. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. – Астана, 2011. – Режим доступа : // www.stat.gov.kz
2. Кадыралиева, А. М. Модели развития мультикультурализма (компаративистский анализ) : дис. ... д-ра философии PhD / А. М. Кадыралиева. – Алматы, 2015.
3. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XVI сессии Ассамблеи народа Казахстана. – Астана, 2010. – Режим доступа : // <http://assembly.kz>
4. Конституция Республик Казахстан. – Режим доступа : // <http://www.akorda.kz>

УДК 316.364.26

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ РАЗВИТИЯ
СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
(на примере Тюменской области)***

**INSTITUTIONAL TRAPS OF DEVELOPMENT IN THE FIELD
OF HEALTH (ON THE EXAMPLE OF TYUMEN REGION)**

ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
E-mail: gr136@mail.ru

ТАРАСОВА Анна Николаевна

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

DAVYDENKO Vladimir A.

The University of Tyumen,
Tyumen, Russia
E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

ROMASHKINA Gulnara F.

The University of Tyumen,
Tyumen, Russia
E-mail: gr136@mail.ru

TARASOVA Anna N.

The University of Tyumen,
Tyumen, Russia
E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Аннотация. Институциональные ловушки развития в сфере здоровья рассматриваются в контексте демографических и эпидемиологических переходов, социального контекста и социального неравенства; приводятся эмпирические данные, в том числе авторские экономико-социологические исследования, подтверждающие представленные теоретические тезисы.

Выявлена объективная необходимость перехода на активную модель здравоохранения, принципиально отличающуюся от патерналистской модели. На примере социологических данных показано, что в Тюменской области, как одном из самых благополучных регионов России, население видит и положительно оценивает такие сверхусилия патерналистского государства. Но мониторинг показывает, что оценки системы здравоохранения остаются стабильно плохими, оценки собственного здоровья не улучшаются, а стратегии поведения практически не изменяются. Руководители системы здравоохранения винят во всем этом «плохое» население, что далеко от оптимальной стратегии. Для того, чтобы ответить на вызовы второй эпидемиологической революции в России, необходима новая стратегия, новые модели массового самосохраняющего поведения населения.

Ключевые слова: институциональные ловушки, активная модель здравоохранения, патерналистская модель здравоохранения

Abstract. Institutional traps of development in the field of health are considered in the contexts of demographic and epidemiological transitions, societal context and social inequalities; empirical data, including author's economic and sociological studies, confirming the theoretical thesis. The authors have identified an objective necessity of transition to the active health model, radically different from the paternalistic model. For example, sociological data shows that in the Tyumen region as one of the most successful regions of Russia, the population sees and appreciates these super paternalistic state. But monitoring shows that assessment of the health system remains consistently poor, evaluation of own health not improve, and behavioral strategies are virtually unchanged. The public health officials blame this "bad" population that is far from the optimal strategy. In order to meet the challenges of the second epidemiological revolution a new strategy and new models themselves keeping behavior the mass of the population are required in Russia.

Keywords institutional traps, active healthcare model, the paternalistic model of health

Введение. В настоящее время в общественном дискурсе актуализировалась проблема модернизации системы здравоохранения в расширенном ее понимании, включающем не только институты охраны здоровья, но и до-

минирующие в обществе ценности, поведенческие особенности и отношения по поводу сохранения, воспроизводства и создания условий полноценной, длительной и активной жизни населения. Исследования подтверждают принципиальные расхождения направления изменений в сфере охраны здоровья практически всех развитых и развивающихся стран и России. Отставание России от развитых стран в сфере охраны здоровья увеличивается, и это происходит уже более 40 лет.

Теоретическая актуальность научной проблемы состоит в том, что в результате фактического отказа российской власти от социетальных реформ и модернизации в секторах, связанных с человеческим капиталом, в частности в здравоохранении, возникают и воспроизводятся институциональные ловушки (*institutional trap*, *lock-in effect*), которые в виде известных стереотипов (паттернов) поведения и элементов экономического действия укореняются (*embeddedness*) в социальных структурах, закрепляясь в социальных устоях, нравах и обычаях, принимая неэффективный (с точки зрения общественного блага), но самоподдерживающийся и устойчивый характер. Институциональная ловушка в терминах теории игр – это равновесие по Нэшу, не являющееся Парето-оптимальным. Устойчивость институциональной ловушки означает, что если в социальной системе превалировала неэффективная норма, то она остается даже при снятии воздействия, приобретая эффект блокировки (*lock-in effect*), когда принятое решение отменить достаточно сложно или вообще невозможно. Указывается, что в российской институциональной системе не действуют механизмы, согласовывающие краткосрочные интересы в сфере здоровья и долгосрочные приоритеты здравоохранения. Официальная государственная стратегия в сфере здравоохранения (национальный проект «Здоровье», долгосрочные стратегические программы) не согласуется с принимаемыми решениями на среднесрочном уровне в условиях все увеличивающегося дефицита бюджета на нужды здравоохранения, который не может обеспечить даже заниженные расходы на территориальные программы государственных гарантий.

Архаичная структура системы здравоохранения (в расширенном ее толковании) не может обеспечить объективно ухудшающуюся ситуацию и расширяющиеся потребности общества. Трансформация системы невозможна, если представители властвующей элиты артикулируют отказ от модернизационных ценностей, навязывая архаичные ценности обществу пропагандистскими средствами.

Обзор литературы. Аналитические инструменты, применяемые в работе, опираются на концепции демографического перехода и эпидемиологических революций. Главное содержание понятия первого демографического перехода – в снижении смертности и последовавшее за ним снижение рождаемости до уровня, обеспечивающего нулевой прирост населения, что произошло в Европе до Второй мировой войны. Основные детерминанты этого перехода: изменения социальной и экономической среды, которые в корне повлияли на мотивы и цели людей в отношении размера семьи; ин-

дустриализация, урбанизация и секуляризация [23; 11, с. 355; 3, с. 4–5; 19, с. 247; 1, с. 21]. Смысл второго демографического перехода, датируемый серединой 1960-х годов – падение рождаемости в европейских странах ниже воспроизводственного уровня; основные детерминанты этого перехода: растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, которые развитые страны предложили населению [20; 33, с. 5; 34, с. 425; 19, с. 213; 1, с. 24]. Третий демографический переход – это прежде всего изменение этнического, социокультурного, национального, религиозного состава населения принимающих стран в результате иммиграции в начале XXI в., и его локализация в развитых странах с низкой рождаемостью. Детерминанты этого перехода: экономические, социокультурные и демографические изменения, приводящие к низкой рождаемости в принимающих странах, население которых не воспроизводится [12]. Теория эпидемиологического перехода направлена на объяснение происходящих в течении последних столетий механизмов одновременного снижения смертности, заболеваемости и рождаемости в различных обществах [31; 25, с. 731, 755; 11]. На этапе первой эпидемиологической революции была эффективна государственно-патерналистская стратегия борьбы за здоровье и жизнь человека, основанная на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности со стороны самого населения (благоустройство городской среды, санитарно-эпидемиологический контроль, обязательная вакцинация и т. п.). Уже к середине 1960-х годов возможности этой стратегии в богатых и развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко второму этапу перехода, когда изменилась сама структура рисков [1]. В этот период главные угрозы здоровью сместились от традиционных рисков (например, недостаточное питание или небезопасные источники водоснабжения и санитарные условия в целом) к современным рискам (таким, как избыточный вес и ожирение). В этот же период артикулировалась активная роль самого человека в охране своего здоровья, лечение до полного выздоровления уже не ставится во главу угла. Стратегии здравоохранительных практик сместились в сторону создания условий для максимального продления активной жизни пациента, сдвигающих на наиболее поздние сроки риск наступления осложнений [Milton 1985; 1976].

Здоровье людей существенным образом определяет жизнеобеспечение и экономический потенциал страны: так, увеличение ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении населения России хотя бы до уровня 74 лет, может обеспечить рост ВВП ежегодно на 6 % [2, с. 6]. Состояние здоровья является одной из ключевых задач системы здравоохранения как жизнеобеспечивающей структуры любого общества, и улучшение состояния здоровья требует более широкого внимания на его социальные детерминанты [6, с. 20–22], делая здоровье центральной целью всей социальной политики государства. Проблемы со здоровьем могут иметь свои корни во взаимосвязанных социальных условиях, таких как безработица, бедность, неадекватные жилищные условия. Например, малоимущие, как

правило имеют большие потребности в медицинской помощи, и наиболее вероятно, что именно они сокращают расходы на поддержание своего здоровья, подвергая себя тем самым значительному риску [14; 27]. Под давлением кризиса домохозяйства сокращают свои бюджеты и использование обычных медицинских услуг, особенно в странах с высокой планкой доплат по медицинскому страхованию. Например, в исследовании, проведенном в США, 27 % респондентов заявили, что они сократили использование медицинских услуг в 2009 году [21]. Домохозяйства с низкими доходами в четыре-шесть раз чаще сообщали о неудовлетворенной потребности в медицинской помощи по финансовым или иным причинам, чем семьи с высоким уровнем дохода [16]. Стандартные модели демографического поведения населения в условиях финансового кризиса подчеркивают значительный риск не только потери доходов, но и риск перехода на более низкий уровень потребления, в том числе и медицинских услуг, что, как следствие, ведет к ухудшению здоровья. Экономический спад приводит к снижению темпов использования медико-санитарной помощи, особенно если люди чувствуют, что они не могут себе позволить частное медицинское страхование, особенно когда оно привязано к занятости. В ответ на ухудшение государственных финансов правительства сокращают расходы на здравоохранение и тем самым ухудшают положение в области здравоохранения [Vangool, 2014]. Увеличение безработицы в США на 1 % привело к снижению в здравоохранении использования средств профилактической помощи на 1,6 % [30]. В России социально-экономический контекст проблемы модернизации систем здравоохранения опирается на снижение возможностей для патерналистской модели социальной политики, и как следствие, исчерпание роста возможностей типичной для России системы.

Эмпирические данные. В анализ включены результаты социокультурного мониторинга, проводимого на протяжении 2006–2013 гг. на территории Тюменского региона (включая ХМАО-Югру и ЯНАО) [9]. Всего было опрошено 3054 человека в возрасте от 18 лет и старше по массовой анкете. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население трех субрегионов (юга Тюменской области, ХМАО, ЯНАО). Также привлечены статистические данные, посвященные описанию мирового контекста развития систем здравоохранения [Europe 2020; Health at a Glance 2015; Society at a Glance 2014]. Меры в области общественного здравоохранения, образования, повышения доступа к медицинскому обслуживанию и дальнейший прогресс в области медицинских технологий способствовали значительному улучшению состояния здоровья, которое принято измерять показателем ожидаемой продолжительности жизни.

Значительный прогресс в секторе здравоохранения, достигнутый в последние десятилетия, затронул далеко не все страны мира. В мониторинге OECD прирост ожидаемой продолжительности жизни при рождении колеблется от показателей Турции 22,4 года до Lithuania 2,8 и Южной Африки 3,9 года. Европейские страны показали существенный прирост средней ожи-

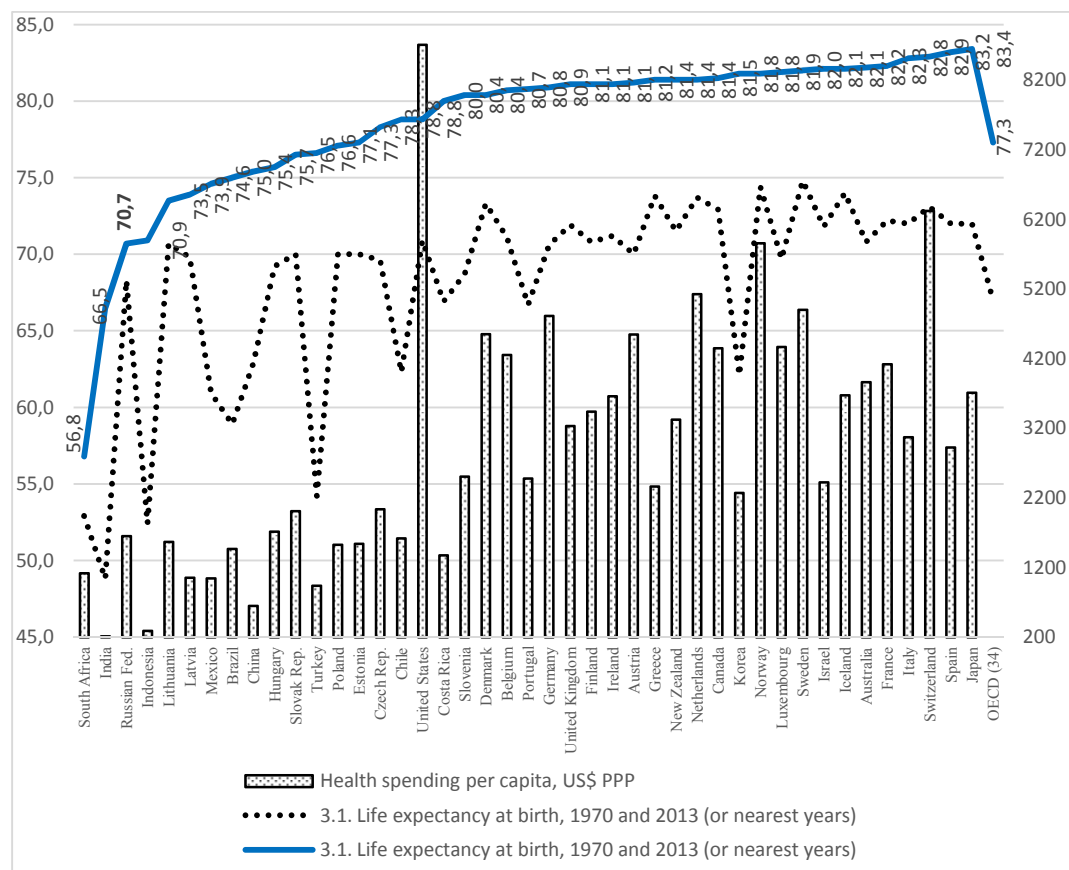

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в странах ОЭСР с добавлением некоторых стран мира: левая ось – Бразилия, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Индия, Индонезия, Латвия, Литва, Россия и Южная Африка) (1970, 2013 гг.); правая ось – общих государственных расходов на здравоохранение на душу населения, в \$ USA, 2013 г.

Источник: [38].

даемой продолжительности жизни при рождении (10,3 лет). Россия опережает только Индию и Южную Африку из всех стран, учитываемых в мониторинге OECD (рис. 1). В 1970-х годах Советский союз (и Россия в том числе) находился среди лидеров по продолжительности жизни, что было обеспечено советской системой обязательного бесплатного медицинского обслуживания, когда в систему мер по охране здоровья были включены все акторы – от министерств до отраслей, предприятий, региональных и местных властей, школы и других образовательных учреждений. За период 1970–2013 гг. прирост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России составил 2,4 года, и это самый низкий показатель прироста из учитываемых в мониторинге OECD стран. Наблюдаемое в России общее ухудшение состояния здоровья населения усугубляется усиливаемым социальным неравенством, которые считаются следствием драмы самых сложных социальных и экономических потрясений 1990-х гг.

Основные результаты. Население современной России ностальгирует в первую очередь по советской системе медицинского обслуживания. Но, к сожалению, вернуться в эту систему уже невозможно. За рассматриваемые

нами 35 лет в мире принципиально изменились подходы к охране здоровья, к предупреждению ранней смертности. Если обратиться к опыту более развитых в этом отношении стран, в период первой эпидемиологической революции главной задачей здравоохранения была стратегия лечения до выздоровления, успешно решенная в большинстве развитых стран в середине XX в. В период второй эпидемиологической революции основной задачей здравоохранения стала стратегия профилактики и отдаления фатальных осложнений длительно текущих хронических заболеваний [5, с. 33]. Принято считать, что концепция эпидемиологического перехода помогает понять анатомию исторических изменений смертности как ключевого механизма, запускающего весь демографический переход [1, с. 20]. В системе здравоохранения реализация стратегии профилактики и отдаления фатальных осложнений длительно текущих хронических заболеваний требует оснащения медицинских учреждений современным оборудованием, а количество сотрудников, работающих в области здравоохранения, стимулирует быстрое развитие медицинской науки и фармацевтической продукции. Все это приводит к значительному увеличению стоимости медицинской помощи и росту расходов на здравоохранение. Именно поэтому почти все развитые страны со второй половины двадцатого века и в начале двадцать первого века показали быстрое и значительное увеличение расходов на здравоохранение, которое позитивно коррелирует с увеличением продолжительности жизни и снижением преждевременной смертности. На рис. 2. представлены общие государственные расходы на здравоохранение на душу населения в период 1995–2013 гг.

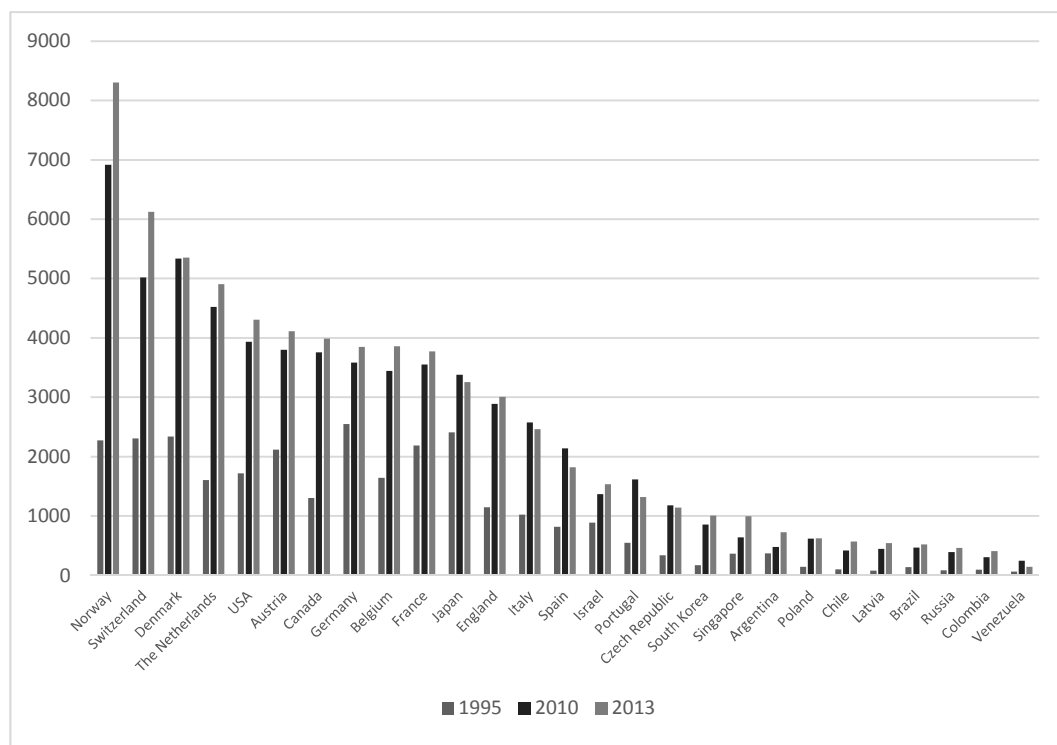

Рис. 2. Общие государственные расходы на здравоохранение на душу населения, в долларах США, 1995–2013 гг.

Источник: [39].

По темпам прироста расходов на здравоохранение на душу населения в мире лидируют такие страны, как Норвегия, Швейцария, Дания, Нидерланды, США и существенно отстают такие страны, как Польша, Чили, Латвия, Бразилия, Россия, Колумбия, Венесуэла. Однако линейная корреляция расходов на здравоохранение и средней ожидаемой продолжительности жизни неочевидна. Можно выделить страны-лидеры в обеспечении здравоохранения, страны-лидеры в эффективности этих расходов, если судить об эффективности расходов на здравоохранение по отношению доли расходов в ВВП к ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Эти группы стран пересекаются, но не тождественны. Например, в USA система здравоохранения чудовищно неэффективна (см. рис. 1). Из приведенных стран наиболее эффективна эта система в Турции и Китае. Россия находится в группе аутсайдеров и по первому фактору, и по второму. Эмпирически подтверждается наличие статистически устойчивой прямой логарифмической зависимости между средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и расходами на здравоохранение на душу населения (рис. 3).

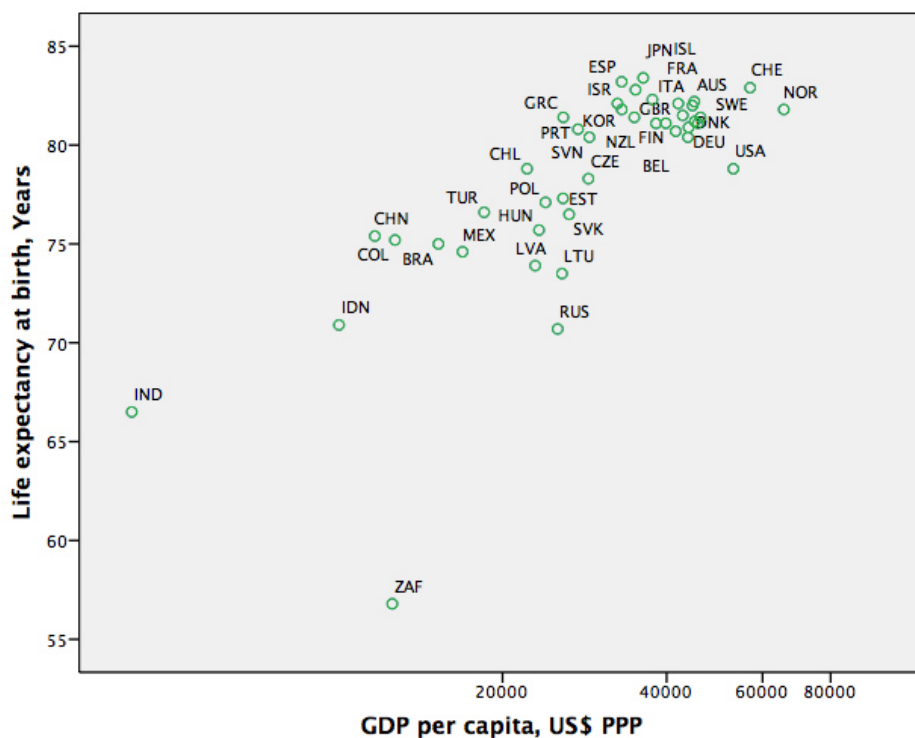

Рис. 3. Связь между средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и расходами на здравоохранение на душу населения в логарифмических осях: по оси абсцисс – натуральный логарифм от величины GDP per capita, US\$ PPP; по оси ординат – Life expectancy at birth, Years

Источник: [40]

Обозначения стран в рис. 3:

AUS – Australia; AUT – Austria; BEL – Belgium; BRA – Brazil; CAN – Canada; CHL – Chile; CHN – China; COL – Colombia; CRI – Costa Rica; CZE – Czech Rep; DNK – Denmark; EST – Estonia; FIN – Finland; FRA – France; DEU – Ger-

many; GRC – Greece; HUN – Hungary; ISL – Iceland; IND – India; IDN – Indonesia; IRL – Ireland; ISR – Israel; ITA – Italy; JPN – Japan; KOR – Korea; LVA – Latvia; LTU – Lithuania; LUX – Luxembourg; MEX – Mexico; NLD – Netherlands; NZL – New Zealand; NOR – Norway; POL – Poland; PRT – Portugal; RUS – Russian Fed; SVK – Slovak Rep; SVN – Slovenia; ZAF – South Africa; ESP – Spain; SWE – Sweden; CHE – Switzerland; TUR – Turkey; GBR – United Kingdom; USA – United States.

В нижней правой зоне рис. 3 располагаются страны с низкой эффективностью вложений в системы здравоохранения (Южная Африка (ZAF), Россия (RUS), USA и пр.), в верхней левой части графика находятся страны с высокой эффективностью вложений (Индия (IND), Китай (CHN), Индонезия (IDN), Греция (GRC), Испания (ESP), Япония (JPN) и пр.). При этом прирост продолжительности жизни обеспечивается величиной натурального логарифма от величины ВВП на душу; это фактически означает, что наращивание инвестиций без специальных структурных мер, преобразующих саму систему, бесперспективно. Например, невысокий уровень продолжительности жизни в США на фоне огромных вложений в здравоохранения аналитики связывают: с раздробленным характером системы здравоохранения; относительно небольшим количеством ресурсов, выделяемых для общественного здравоохранения и первичной медицинской помощи, большой доли незастрахованных; неграмотным поведением в сфере здоровья, включая высокое потребление калорий на душу населения и высокие показатели ожирения; высоким потреблением отпускаемых по рецепту лекарств, незаконным оборотом наркотиков, большим количеством смертей от дорожно-транспортных происшествий, ростом уровня убийств; в целом неблагоприятными социально-экономическими условиями, влияющими на широкие слои бедного населения [37; 22].

В советской России (изначально в СССР) была выстроена достаточно эффективная для того времени система стационаров, поликлиник, промежуточных звеньев, направленных на лечение до выздоровления. Современной России в наследство осталась самая широкая в мире система поликлиник, стационаров с огромным количеством коек на душу населения и огромным количеством врачей на душу населения. Но вся эта система чудовищно недофинансируется, ослаблена технологически и не в состоянии обеспечить простого воспроизводства населения. Россия, как и все развитые страны, вступила в период третьего демографического перехода, знаменующегося старением населения, большим количеством пожилых людей, а плохая экология и социально-политические и социально-экономические шоки усугубляют ситуацию. Все это повышает требовательность населения к врачебной помощи, снижая оценки и удовлетворенность населения системой здравоохранения. Одновременно в России финансирование здравоохранения постоянно уменьшается в пользу все повышающихся военных расходов, в структуре российских расходов федерального бюджета приоритетным являются общегосударственные расходы на управление. Доля этих расходов растет: по сравнению с 2012 г. в 2016 г. этот рост составил 08–0,9 %. Расходы

на оборону в 2016 г. выросли по сравнению с 2012 г. на 5 %. О модернизации системы здравоохранения много говорят, но фактические данные не отражают результатов этой модернизации.

Для примера рассмотрим ситуацию по оказанию медицинской помощи в Тюменской области. За период проведения мониторинга (с 2006 года) никаких хоть сколько-нибудь значимых сдвигов не произошло (рис. 4).

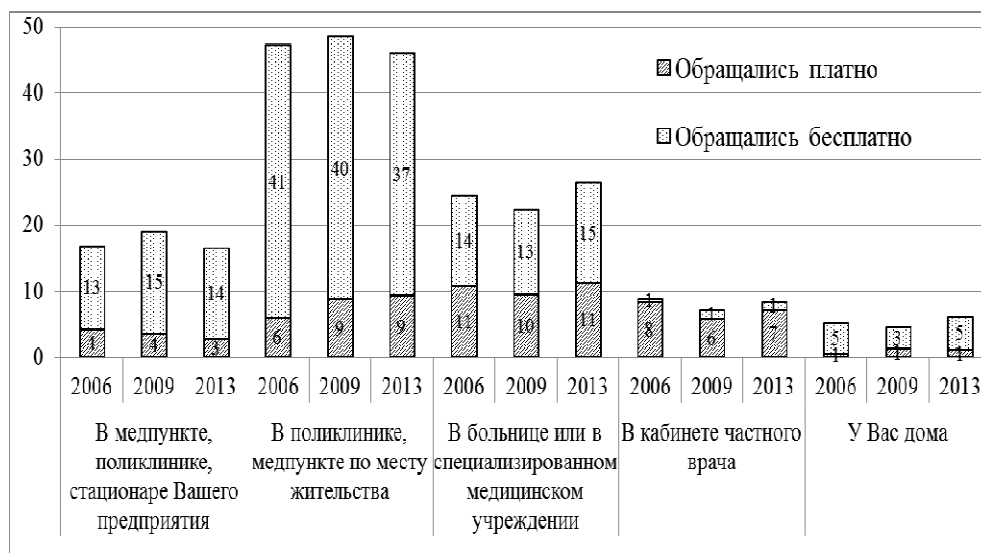

Рис. 4. Получение медицинской помощи в Тюменской области (в % от опрошенных)

В 2007–2009 гг. шла активная реализация нацпроекта «Здоровье», и по сути, данные 2006 г. должны отражать исходную ситуацию, 2009 г. – картину преобразований в рамках данного проекта, а данные 2013 г. – показывать постреформационный эффект. Но никаких эффектов не наблюдается, структура обращений по типам медицинских учреждений, а также по способу получения медицинской помощи (платно, бесплатно) остается неизменной (все изменения на уровне ошибки выборки), уровень удовлетворенности медицинским обслуживанием не повышается. Главным целевым показателем реформ в сфере здравоохранения является сохранение и повышение уровня здоровья населения. Но результаты данных исследований (рис. 5) показывают отсутствие значимых изменений в оценке респондентами своего здоровья (фиксируемые изменения на уровне ошибки выборки).

Конечно, получение эффекта от проводимых преобразований носит долгосрочный характер, но с момента запуска нацпроекта «Здоровье» прошло уже более 5 лет, а самооценка населением своего здоровья не растет.

Переход на новую модель здравоохранения включает переориентацию населения на новые, высокотехнологические виды медицинской помощи. В большинстве своем эти услуги предоставляются платно, например, в Тюменской области пользоваться этими платными услугами могут не более 10 % жителей. Данные, отраженные на рис. 6, демонстрируют, что на 20 % самых богатых россиян в 2005–2015 гг. приходилось более половины от об-

щего объема платных медицинских услуг, а на 20 % самых бедных граждан – 1,8–2,1 %, или в 30 раз меньше.

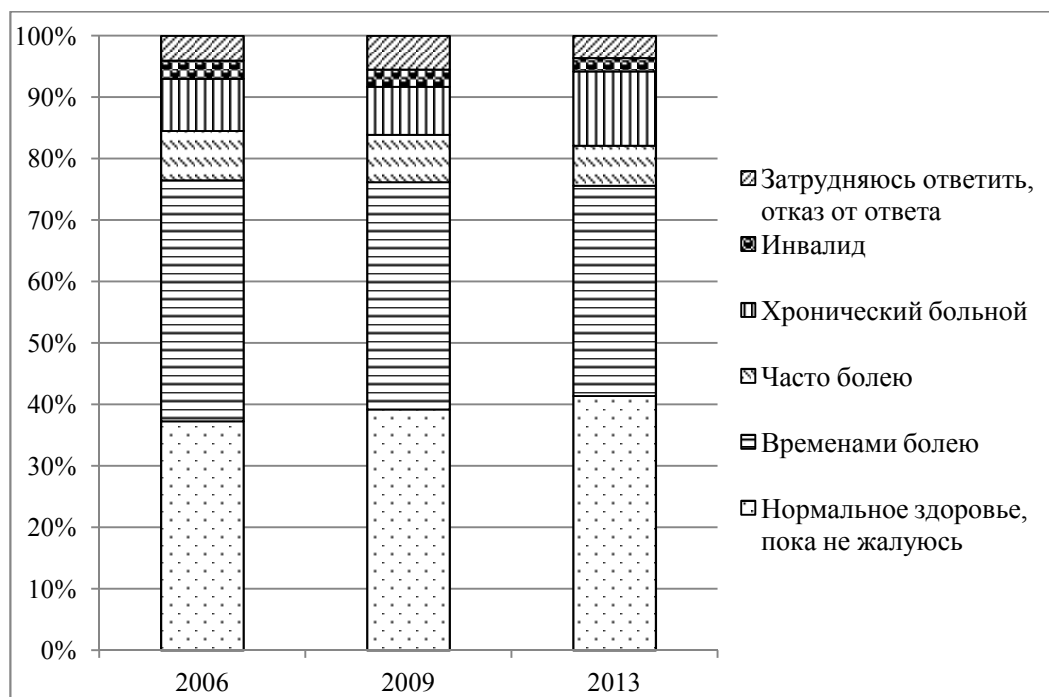

Рис. 5. Самооценка своего здоровья в Тюменской области (в % от опрошенных)

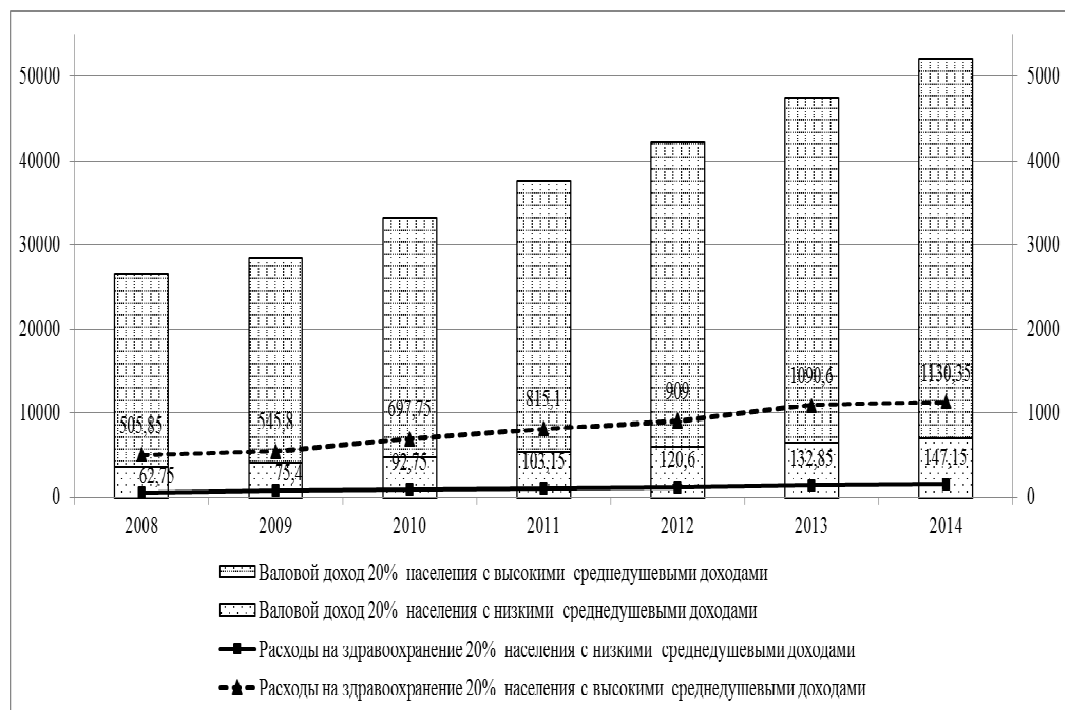

Рис. 6. Показатели на одного члена домохозяйства в среднем в месяц

Источник: [3].

Данные, отраженные на рис. 6, означают, что наименее обеспеченные россияне практически не имеют доступа к платным медицинским услугам.

Россия хронически отстает от развитых стран и стран с переходной экономикой с подобным или даже еще более низким уровнем экономического развития. Для этой ситуации есть несколько причин: снижение финансирования здравоохранения на федеральном уровне, неадекватный переход на страховую систему финансирования здравоохранения, которая фактически так и не стала страховой в реальности, ускоренный процесс коммерциализации здравоохранения. Влияют также юридически ограниченные возможности для увеличения государственного финансирования, особенно актуального в условиях экономического спада, в том числе отказ от отмены прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, который мог бы смягчить налоговый пресс на нижние страты населения. Создание эффективной системы в условиях второй эпидемиологической революции не подразумевает простого наращивания количества больниц и врачей на одного пациента. Нигде в мире, и ярче всего это продемонстрировала система здравоохранения США, государство не в состоянии обеспечить равную доступность к современной высокотехнологической помощи всем слоям населения.

Доставшаяся в наследство от Советского Союза система советской медицины была обеспечена койко-местами, врачами, профилактической помощью, система соответствовала потребностям первого демографического уклада. Этот этап был относительно успешно пройден в СССР к середине 1960-х годов [1, с. 99–100]. Советская система была основана на государственном патернализме. Но далее надо было переходить к следующему этапу, на котором инструментальная и патерналистская стратегия, еще недавно эффективная, уже не годилась. Современный этап подразумевает активизацию внутренних ресурсов домохозяйств при обеспечении собственной стратегии здорового образа жизни, выстраивание модернизационных стимулов к активному долголетию, смену ценностной структуры, когда во главе стоит жизнь человека, его здоровье и активное долголетие. Эта гуманная цель оказывается недостижима в условиях практической неплатежеспособности подавляющего большинства домохозяйств.

По своим демографическим параметрам практически все страны мира проходят одни и те же этапы развития. Различия заметны только в темпах демографических переходов и степени продвинутости страны на этом пути. Россия, находясь, с одной стороны, в той же демографической ситуации, что и развитые страны (превышение смертности над рождаемостью, старение население, рост уровня заболеваемости), с другой стороны, не имеет достаточных ресурсов для преодоления этих проблем. Так, население России характеризуется более низкими доходами по сравнению с другими развитыми странами, в стране гораздо более высокая социально-экономическая дифференциация, чем в среднем по развитым странам, и хроническое недофинансирование государственной системы здравоохранения. Как следствие, в России был запущен механизм неблагоприятного отбора, функционирующий как институциональная ловушка.

Выводы. По сути дела, в России реализовалась ситуация «плохого случая» в медицинском и социетальном контекстах. Институциональные ловушки на макроуровне проявляются как в равновесии по Нэшу, когда есть набор плохих стратегий, в котором ни один участник не может увеличить выигрыш, изменив свою стратегию, если другие участники своих стратегий не меняют ее. Выход из такого состояния, при котором значение каждого частного показателя, характеризующего систему, не может быть улучшено без ухудшения других, возможен только при переходе в другой уровень оптимальности. С формальной (модельной) позиции такой скачок может быть произведен либо структурными преобразованиями, либо наращиванием внешнего воздействия. В примере с системой здравоохранения такой скачок могут произвести одновременные структурные реформы и массированное наращивание финансирования, поскольку любые реформы на первом этапе снижают эффективность системы. В здравоохранении и в экономике России сохранение равновесия по Парето обеспечивает консервацию проблем, плохую ситуацию, когда все выгоды от обмена сторон исчерпаны. То есть государство не имеет ресурсов для продолжения развития патерналистской модели, ресурсы населения быстро истощаются, но в ожиданиях населения нарастает патернализм, и такие ожидания поддерживаются из политических соображений. Переход на активную модель требует изменений более глубоких, чем просто построение новых больничных комплексов, накачка некоторых из них деньгами и выборочное (насколько позволяют ресурсы) наполнение этих комплексов высокотехнологичным оборудованием.

Например, в Тюменской области, как одном из самых благополучных регионов России, это было сделано. И население видит, и положительно оценивает такие сверхусилия патерналистского государства. Но оценки системы здравоохранения остаются стабильно плохими, что весьма удивительно для руководителей региональной системы здравоохранения. Эти руководители винят во всем плохое население, что далеко от оптимальной стратегии. Для того, чтобы ответить на вызовы второй эпидемиологической революции, необходима новая стратегия, новый тип медицинской профилактики, новые модели массового самосохраняющего поведения населения.

Все это требует серьезного пересмотра старой системы приоритетов как на уровне общества, так и на индивидуальном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишневский, А. Г. Время демографических перемен / А. Г. Вишневский. – М. : Высшая школа экономики, 2015. – 517 с.
2. Власов, В. В. Основные положения стратегии охраны здоровья населения РФ на период 2013–2020 гг. и последующие годы / В. В. Власов, А. Л. Линденбратен, Ю. М. Комаров. – М. : Комитет гражданских инициатив, 2013. – 285 с.
3. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2005–2015 гг. (результаты выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) (2006–2016). – М. : Федеральная служба государственной статистики РФ. – Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812
4. Заблудовский, П. Е. История медицины / П. Е. Заблудовский, Г. Р. Крючок, М. К. Кузьмин, М. М. Левит. – М. : Изд-во Медицина, 1981. – Режим доступа : <http://coollib.net/b/248991>

5. Иванов, В. Н. Анализ динамики расходов на здравоохранение и образование в современной России / В. Н. Иванов, А. В. Суворов, Е. Е. Балашова, С. В. Трещина // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3. – С. 31–44.
6. Лапин, Н. И. Антропосоциальный подход: методологические основания, социологические измерения / Н. И. Лапин // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 17–29.
7. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, вып. 2. – С. 3–19.
8. Полтерович, В. М. Элементы теории реформ / В. М. Полтерович. – 2-е изд. – М. : Экономика, 2011.
9. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона : коллективная монография / под ред. Г. Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. – Тюмень : ТюмГУ, 2015. – 333 с.
10. Bradford W.D. and Lastrapes W.D. (2013) A Prescription for Unemployment? Recessions and the Demand for Mental Health Drugs, *Health Economics*.
11. Caldwell J. C. (2006). Demographic Transition Theory. Dordrecht, The Netherlands: Springer.
12. Coleman D. (2006). Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: A Third Demographic Transition // *Population a. Development Rev.* – Vol. 32. – № 3. – P. 401–446.
13. Currie J. and Tekin E. (2011) Is the Foreclosure Crisis Making Us Sick?, *NBER Working Paper*, № 17310, National Bureau of Economic Research, Cambridge, United States.
14. Edwards R. (2008) Who Is Hurt by Pro-cyclical Mortality?, *Social Science and Medicine*. – Vol. 67. – № 12. – P. 2051–2058.
15. Europe 2020 indicators of poverty and a social exception. – Режим доступа : http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Europe_2020_indicators_-_poverty_and_social_exclusion
16. Health at a Glance 2015. OECD Indicators. http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en.
17. Huntington S. P. (2004). The Hispanic Challenge // *Foreign Policy*. March – Apr.
18. Lesthaeghe R. (1983). A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: An Exploration of Underlying Dimensions // *Population a. Development Rev.* – Vol. 9. – № 3. – P. 411–435.
19. Lesthaeghe R. (2010). The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population a. Development Rev.* – Vol. 36. – № 2. – P. 211–251.
20. Lesthaeghe R., van de Kaa D. J. (1986). Twee demografische Transitie's? // *Bevolking: Groei en Krimp. Mens en Maatschappij* / D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe (eds). Deventer: Van Loghum Slaterus. P. 9–24.
21. Lusardi A., Schneider D. and Tufano P. (2010), The Economic Crisis and Medical Care Usage, *NBER. Working Paper*, № 15843.
22. National Research Council and Institute of Medicine. U.S. Health in International Perspective: Shorter Lives, Poorer Health. Washington, DC: The National Academies Press, 2013. doi:10.17226/13497.
23. Notestein F. (1945) Population – the Long View // *Food for the World* / T. W. Schultz (ed.). Chicago Univ. Press. P. 37–57.
24. Omran A. R. (1971). The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // *The Milbank Memorial Fund Quart.* – Vol. 49. – № 4. – Pt. 1.
25. Omran A. R. (2005). The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // *The Milbank Quart.* – Vol. 83. – № 4. – P. 731–757.
26. Schoen C. et al. (2010) How Health Insurance Design Affects Access to Care and Costs, by Income, in Eleven Countries, *Health Affairs*. – Vol. 29. – № 12. – P. 2323–2334.
27. Schoen C. et al. (2011) New 2011 Survey of Patients with Complex Care Needs in Eleven Countries Finds That Care Is Often Poorly Coordinated, *Health Affairs*. – Vol. 30. – № 12. – P. 2437–2448.
28. Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. The crisis and its aftermath. Source: http://dx.doi.org/10.1787/soc_glance-2014-en
29. Sullivan D. and von Wachter T. (2009). Job Displacement and Mortality: An Analysis Using Administrative Data, *Quarterly Journal of Economics*. – Vol. 124. – № 3. – P. 1265–1306.
30. Tefft N. and Kageleiry A. (2013) State-level Unemployment and the Utilization of Preventive Medical Services, *Health Services Research*.
31. Terris M. (1985). The Changing Relationships of Epidemiology and Society: The Robert Cruikshank Lecture // *J. of Public Health Policy*. – Vol. 6. – March.
32. Terris M. (1976). The Epidemiologic Revolution, National Health Insurance and the Role of Health Departments. *American Journal of Public Health*. December 1976. – Vol. 66. – № 12: 1156, 1159
33. Van de Kaa D. J. (1987). Europe's Second Demographic Transition // *Population Bull.* – Vol. 42. – № 1.

34. Van de Kaa D. J. (1996). Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into Determinants of Fertility // Population Studies. – Vol. 50. – № 3. – P. 389–432.
35. Van de Kaa D. J. (2003). Never a Dull Moment: On Research Prospects for Polish Demographers // van de Kaa D. J. Doctor Honoris Causa of the Warsaw School of Economics.
36. Van de Kaa D. J. (2010). Demographic Transitions // Encycl. of Life Support Systems (EOLSS). Demography / Z. Yi (ed.). Oxford, UK: Eolss Publishers. – Vol. 1. – P. 65–103.
37. Woolf S. and Aron L. (eds) (2013), U.S. Health in International Perspective: Shorter Lives, Poorer Health. National Research Council and Institute of Medicine, National Academies Press, Washington, DC.
38. http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/health-at-a-glance-2015_health_glance-2015-en
39. URL базы данных Глобальные расходы на здравоохранение. – Режим доступа : http://apps.who.int/nha/database/Country_Profile/Index/en
40. OECD (2015). Здоровье в цифрах 2015: показатели ОЭСР. OECD Publishing, Париж. – Режим доступа : http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en. Доступ 20.03.2016.

УДК 314.316

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

THE HEALTH CARE SYSTEM IN THE ASSESSMENTS OF THE POPULATION: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

АРБИТАЙЛО Ирина Яновна

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

E-mail: arbitka@mail.ru

ARBITAILO Irina Y.

The University of Tyumen,
Tyumen, Russia

E-mail: arbitka@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу динамики оценок системы здравоохранения на примере Тюменской области. Представлены результаты авторских исследований удовлетворенности уровнем, качеством, доступности медицинской помощи населения в Тюменской области. Проведен анализ стратификационных особенностей проблемы доступности медицинских услуг в регионе. Показана факторная структура оценок системы здравоохранения, наиболее значимые для населения проблемы в данной сфере. Отмечен важный факт, что оценки системы имеют рационалистические основания. Нет причин упрекать население в неадекватности оценок, а финансовые проблемы в данной сфере имеют значение, но не являются ведущими. На эмпирических данных подтверждается, что рост национального благосостояния сам по себе не решает проблемы накопления неблагоприятных жизненных обстоятельств. К нему ведут не столько низкие доходы как таковые, сколько неравенство в доходах. Рейтинги значимых проблем системы государственного медицинского обслуживания населения на протяжении 10 лет практически неизменны. Наиболее значимыми остаются очереди, труднодоступность медицинской услуги, обеспечение лекарственными препаратами и их эффективность. Все остальные проблемы не достигают и четверти от значимости первых двух, что говорит о консолидированности общественного мнения о проблемах медицинского обслуживания.

Ключевые слова: оценки системы здравоохранения; удовлетворенность уровнем, качеством и доступности медицинской помощи; факторная структура оценок системы здравоохранения.

Abstract. This work is devoted to the analysis of the dynamics of assessments of the healthcare system on the example of Tyumen region. There were presented the results of original research of satisfaction level, quality and accessibility of medical care of the population in the Tyumen region. The analysis was performed stratified characteristics of the problem of accessibility of medical services in the region. It was shown the factor structure of ratings of the health system, the most significant for the population problem in this area. It noted the important fact that assessment systems have a rational basis. There is no reason to accuse the population of being inadequate assessments and financial problems in this field have a value but are not leading. Empirical data confirms that the national welfare by itself does not solve the problem of accumulation of adverse life circumstances. Lead to it is not so much low income as such, how much income inequality. A rating of important problems of public health services for 10 years almost unchanged. The most significant remain of the queue, inaccessibility of medical services, supply of medicines and their effectiveness. All the other problems do not even reach a quarter of the significance of the first two, suggesting the consolidation of public opinion on the problems of medical care.

Keywords: assessment of the health system; satisfaction levels, quality and availability of medical care; factor structure of ratings of the health system.

Постановка проблемы. В настоящее время в России на смену одной из двух моделей здравоохранения – жесткой государственной или жесткой рыночной приходит некоторый комплексный (комбинированный) подход, или смешанная государственно-рыночная система, сопряженная с принятием компромиссов и рынка, и государства. Ситуация обостряется попытками согласования фундаментально противоречивых требований, связанных с необходимостью повышения эффективности деятельности всей системы здравоохранения с одновременным сдерживанием роста расходов на эту систему. В условиях ограниченности выделяемых ресурсов и роста неудовлетворенности населения становление рыночных механизмов в системе здравоохранения может являться дополнительным источником расширения возможностей для удовлетворения потребностей в медицинской помощи.

Представленные в данной работе результаты авторских исследований удовлетворенности уровнем, качеством, доступности медицинской помощи населения в Тюменской области позволяют высветить актуальные в настоящий момент проблемы выявления направленности и эффективности реформ, проводимых в последние десятилетия в системе здравоохранения. По данными массовых опросов проведен анализ стратификационных особенностей проблемы доступности медицинских услуг в регионе. Понимание этих процессов важно как для мониторинга общественного благосостояния, так и потому, что высокий потенциал кризиса может вызывать фундаментальные социальные, культурные и политические изменения, которые могут получить необратимый характер [10]. На примере медицины обнаруживается институционализация иерархии привилегий меньшинства и ограничений доступа большинства к желаемым благам и ценностям [13]. Аналогичные по структуре данные были получены и в России [3, с. 31–33].

Обоснование выбора методологических подходов. В России, как и в других странах мира, существуют отличия в самооценках здоровья различных социально-экономических групп по уровню доходов или уровню образования. Исследования показали, что в странах ОЭСР семьи с низкими доходами часто имеют неудовлетворенные медицинские потребности, что связано с проблемой *социального исключения*. В странах ЕС бедность и социальное исключение охватывают 123 млн. чел. (около 24 % от всего населения) [12]. Если среди лиц с низкими доходами о своем состоянии здоровья сообщили как «хорошем» или «очень хорошем» 61 %; то среди лиц с высокими доходами свое состояние здоровья оценили как «хорошее» или «очень хорошее» 80 % [14, с. 27].

Концепция *социального исключения* ориентирована на деятельность в сфере социальной политики; способствовала пониманию того, что старые методы борьбы с бедностью в виде социальных трансфертов если и позволяют поднять уровень потребления низших слоев, но не повышают их «жизненные шансы», фактически консервируя их ущемленное положение и зависимый от государства экономический статус. В экономической социологии указанная проблематика нашла свое отражение в работах М. Вебера и в его кон-

цепции неравных «жизненных шансов»; проявлении неравномерного распределения преимуществ, обозначаемых Р. Мертоном как *эффект Matfey*; в терминологии П. Штомпки – в понятии жесткой иерархии элитных привилегий к желаемым преимуществам и лишениям бедных в отношении доступа к ценностям и благам, в том числе ценности здоровья [1; 5; 7]. К. Уинслоу в своей теории факторов «порочного круга нищеты и болезней» объясняет состояние здоровья причинными зависимостями между факторами общественной системы и состоянием здоровья: влияние жилищных условий, питания, размеров заработка на состояние здоровья и уровень смертности населения, и подтвердил, что «люди болеют потому, что они бедны; они бедны потому, что они больны» [2]. Эта теория подтверждается современными исследованиями, когда проблемы со здоровьем имеют свои корни во взаимосвязанных социальных условиях, таких как безработица, бедность, неадекватные жилищные условия. Так, малоимущие, которые, как правило, имеют большие потребности в медицинской помощи, минимизируют свои расходы, тем самым подвергают себя значительному риску заболеть [11; Schoen et al., 2011]. Теория факторов порочного круга нищеты и болезней объясняет воспроизводство неблагоприятных обстоятельств различных обществ через замкнутые циклы в развитии, в процессе которых общество проходит через ряд состояний, в итоге возвращаясь к исходному («круг замкнулся»). Отмечается, что рост национального благосостояния сам по себе не решает проблемы накопления неблагоприятных жизненных обстоятельств. К нему ведут не столько низкие доходы как таковые, сколько неравенство в доходах.

Эмпирические данные. Эмпирической базой работы послужили результаты социологического мониторинга «Социокультурный портрет региона», проведенного в 2006, 2009, 2011 и 2013 годах коллективом Тюменского государственного университета. Выборка составляет 2006 г. – 4016 чел., 2009 г. – 4000 чел., 2011 г. – 5567 чел., 2013 – 3054 чел. в возрасте от 18 лет и старше по массовой анкете. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население трех субрегионов (юга Тюменской области, ХМАО, ЯНАО) по половозрастной и образовательной структуре с учетом места проживания (городское/сельское население). В целом по Тюменской области стандартная ошибка выборки составила 1,8 % по одному признаку. Мониторинг проводился в рамках исследования «Социокультурные портреты регионов России» на основе типовой программы и методики, разработанной Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой [6].

Система здравоохранения является одной из самых востребованных и одновременно критикуемых социальных систем. Удовлетворенность граждан от взаимодействия с системой здравоохранения является одним из главных критериев качества медицинской помощи. В настоящее время повсеместно отмечается проблема низкого качества медицинской помощи, связанная в первую очередь с недостаточным финансированием системы здравоохранения, соответственно с неудовлетворительным состоянием ма-

териально-технической базы, отсутствием эффективного и высококвалифицированного кадрового потенциала.

По результатам социологического мониторинга «Социокультурный портрет региона», уровень удовлетворенности качеством государственного медицинского обслуживания снижается, невзирая на проведенные в последние годы преобразования в системе. Ответы «В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание» дают 20–30 % от общего числа опрошенных (рис. 1).

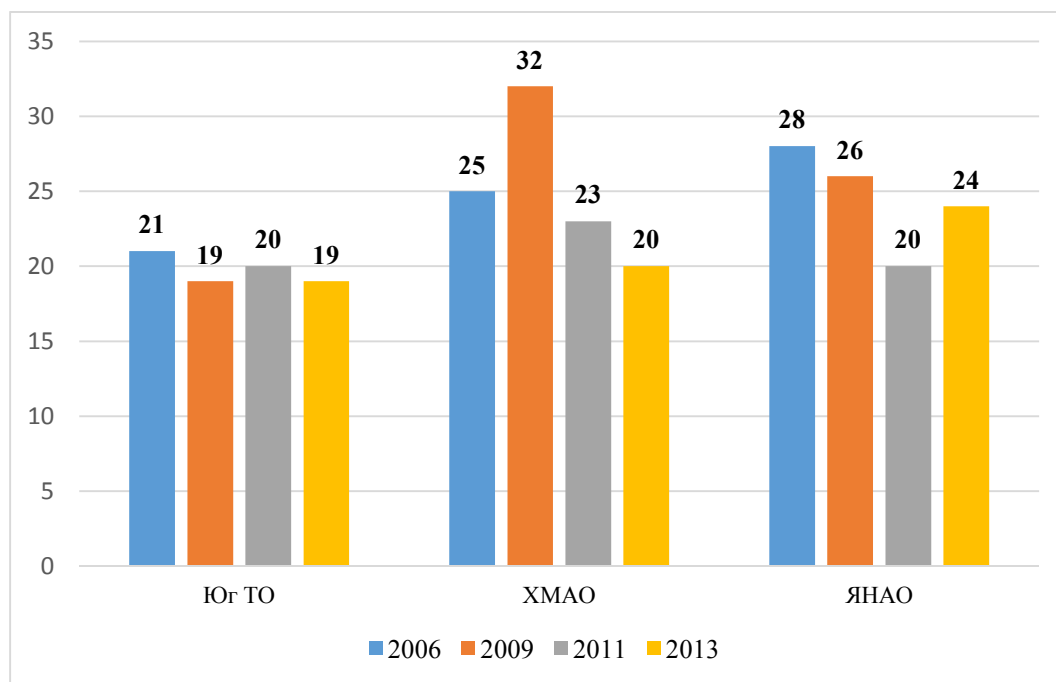

Рис. 1. Доля удовлетворенных государственным медицинским обслуживанием в Тюменском регионе

В 2009 году, то есть в разгар реформ здравоохранения, отмечается некоторое снижение значимости многих проблем государственного медицинского обслуживания (кроме ХМАО-Югры). Но затем, при уменьшении внешнего управленческого воздействия, острота проблем вновь нарастает, и уже к 2013 году значения показателей оказываются более схожими с показателями дореформенного периода 2006 года, чем с показателями 2009 года, т.е. система отчетливо демонстрирует «возврат в исходное состояние». С начала проведения мониторинговых исследований ситуация значимо не меняется во всех исследуемых регионах: доля в целом удовлетворенных медицинским обслуживанием в Свердловской области – 21 % (2008 г.), в Омской области – 19 % (2008 г.), в Челябинской области – 18 % (2010 г.). Рейтинг значимых проблем также практически неизменен (рис. 2).

Какие проблемы отмечают жители регионов среди наиболее значимых? Очереди, труднодоступность медицинской услуги (60 % и более). Второй по важности проблемой является обеспечение лекарственными препаратами и их эффективность. Все остальные проблемы не достигают и четверти от

значимости первых двух, что говорит о консолидированности общественного мнения о проблемах медицинского обслуживания.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Чем не удовлетворяет вас государственное медицинское обслуживание?», Тюменская область (в % от опрошенных)

На основе ответов на вопрос о том, чем не удовлетворяет респондентов государственное медицинское обслуживание, сформирована новая порядковая переменная «отношение к государственному медицинскому обслуживанию» со шкалой от «медицинское обслуживание совершенно не удовлетворяет, имеется множество проблем» (1) до «медицинское обслуживание полностью удовлетворяет, проблем нет» (5). Для оценки факторов определяющих отношение к государственному медицинскому обслуживанию (зависимая переменная) проведен дисперсионный анализ, наиболее значимые результаты которого представлены в таблице. В качестве исходной точки зрения было зафиксировано предположение о том, что существуют различия в оценках регионального медицинского обслуживания среди групп населения, дифференцируемых по возрасту, региону проживания, уровню материального благополучия, самооценке своего здоровья.

Возраст, образование, самооценка материального положения и тип поселения оказались не значимы при формировании отношения к государственному медицинскому обслуживанию. Наиболее значимой переменной оказалась самооценка состояния своего здоровья, что вполне закономерно. Среди имеющих нормальное здоровье 23 % опрошенных отметили, что в целом они удовлетворены медобслуживанием, а среди часто болеющих таковых только 15 %. Считают необходимым улучшить медицинское об-

служивание 33 % условно здоровых и более половины больных (ответы «часто болею», «имею хронические заболевания», «инвалид»). Вероятнее всего, состояние здоровья задает частоту обращений за медицинской помощью, а опыт этих обращений снижает удовлетворенность государственного медицинского обслуживания.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа

Критерий	F-статистика	Ошибка
Самооценка состояния здоровья	17,1	0,0001
Чувства, испытываемые к своему региону	15,7	0,001
Способ обращения за медицинской помощью	14,5	0,001
Регион проживания	11,1	0,001
Защищенность от бедности	11,2	0,001
Гендер	10,5	0,005
Уверенность в своем будущем	9,9	0,0001
Удовлетворенность своей жизнью в целом	9,6	0,0001
Тип поселения	7,98	0,0001
Материальное положение	5,8	0,01
Возраст	1,4	0,05

Второй по значимости переменной является восприятие своего региона. Среди тех, кто не видит особых перспектив в регионе, доля удовлетворенных два-три раза меньше, чем среди тех, кто рад, что он живет в этом регионе. В данном случае неочевидно, какая из переменных выступает управляющей – отношение к региону или удовлетворенность медицинским обслуживанием. Возможной гипотезой может быть взаимность таких оценок, поскольку никакие другие более чем из 100 индикаторов столь близкой связи не обнаруживали. На третьем месте по значимости связи стоит способ обращения за медицинской помощью, то есть платность или бесплатность обращения. Значимое влияние платности медицинской услуги (в целом) и оценок государственного медицинского обслуживания выявляет однозначную связь: если людей не удовлетворяет госуслуги в сфере охраны здоровья, они склонны обращаться к услугам платной медицины. Проведенный факторный анализ позволил сгруппировать девять исходных переменных в три базовых фактора:

- региональные оценки (включены переменные «регион», «тип поселения» и «чувства, испытываемые к своему региону»);
- личные оценки (включены переменные «самооценка своего здоровья», «уверенность в будущем», «удовлетворенность своей жизнью в целом» и «защищенность от бедности»);
- материальные возможности (включены переменные «самооценка своего материального положения» и «способ получения медицинской помощи»).

Полученная группировка демонстрирует, что, невзирая на многочисленные упреки по отношению к своему народу со стороны представителей власти, люди оценивают систему здравоохранения вполне рационально. Люди понимают, что институты определяют качество медицинского обслуживания, и эти оценки тесно связаны с оценками жизни в регионе в целом. Второй по значимости фактор, названный авторами «личностные оценки», демонстрирует скорее социально-психологический фон проблемы. Более уверенные в себе, самодостаточные и оптимистичные люди склонны давать более позитивные оценки по всем аспектам своей жизнедеятельности. Негативным является факт того, что опыт частого обращения к системе статистически значимо снижает уровень оценок, то есть в данном случае не следует говорить о предубеждениях в общественном мнении. Имеет место воронка возможностей: если люди больны, они скорее будут менее обеспеченны, менее удовлетворены и, к сожалению, чаще вынуждаемы к обращению за платными медицинскими услугами. Следует отметить важную особенность – напрямую самооценка благосостояния не является значимой для исследуемой проблемы. Однако и здесь связь прямая: удовлетворены системой государственного медицинского обслуживания категории: среди малоимущих (к ним относятся люди, которым денег не хватает на удовлетворение повседневных нужд и покупку одежды – 19 %, в средней категории (люди, утверждающие, что им практически на все хватает, кроме приобретения дорогостоящих вещей, таких, например, как покупка квартиры) – 21 % и среди богатых (люди, ни в чем себе не отказывающие) – 26 %.

В настоящее время в политику в области здравоохранения Российской Федерации, в ответ на кризис или в соответствии с ранее запланированными структурными реформами, вводятся меры по сдерживанию расходов на здравоохранение. Эта динамика прослеживается на рис. 3, описывающем общие государственные расходы на здравоохранение в проценте от общих расходов на здравоохранение.

Государственная социальная политика в России в последнее время отличается двумя чертами: во-первых, сведение к реагированию на сиюминутную ситуацию; во-вторых, происходит стремительный уход государства из социальной сферы, разрушение сложившихся государственных гарантий. В результате население утрачивает поддержку со стороны ранее действовавших социальных институтов. Об этом говорят следующие цифры: если в 2014 г. на здравоохранение в целом из бюджета выделялось 462,5 млрд руб., то в 2015 г. финансирование составило 372 млрд руб., то есть на 20 % меньше. Финансирование стационарной медицинской помощи сокращено за 2015 год сразу на 40 % – с 250 до 149,6 млрд. руб. [16].

В современной России на здравоохранение выделяется 6,5 % ВВП (например, в США – 17 % ВВП), то есть структура финансирования здравоохранения современной России и СССР практически не изменилась.

Одновременно наблюдается тенденция к минимизации государственных расходов на здравоохранение и увеличению частных расходов на здравоохранение.

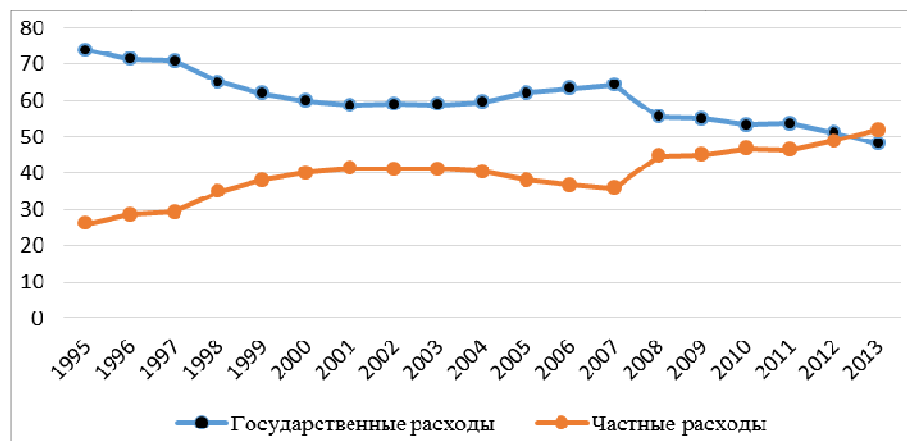

Рис. 3. Динамика расходов на здравоохранение в Российской Федерации

Источник: [15].

Рост частных расходов на здравоохранение характерен для всех стран, и Российская Федерация не исключение. Однако здесь важна степень такого снижения, адекватная как возможностям населения, так и целям государства.

Концепцией развития здравоохранения в РФ определено, что главной целью функционирования является предоставление гарантированного объема медицинской помощи населению. Возникает противоречие между социально-медицинской и экономической ролью здравоохранения. Так, с точки зрения первой, необходимо полное обеспечение граждан бесплатной медицинской помощью. Однако, как показывает опыт управления здравоохранением, ни одна из форм его организации даже при максимальном объеме государственного участия не может удовлетворить весь спектр потребностей населения в медицинском обслуживании как по качественным, так и по количественным характеристикам.

Одним из возможных вариантов решения данного вопроса становится сектор коммерческого здравоохранения, в котором реализуются платные медицинские услуги. Таким образом, главная роль платных медицинских услуг заключается в удовлетворении доли потребностей населения в медицинском обслуживании, которое не покрывается государственными медицинскими гарантиями.

Среди функций, осуществляемых платными медицинскими услугами, нужно выделить следующие:

- удовлетворение доли потребностей населения в медицинском обслуживании, которое не покрывается государственными медицинскими гарантиями;
- обеспечение свободы выбора в сфере качества и количества оказываемых медицинских услуг;
- привлечение дополнительных инвестиций в сферу здравоохранения;
- повышение материальной заинтересованности медицинского персонала;
- накопление, анализ, хранение, распространение информации, знаний, умений и навыков как в медицинской науке, так и в области управления экономики учреждения;

- формирование дополнительных ресурсов, в том числе улучшение материально-технической базы;
- мобилизация средств для развития инфраструктуры лечебно-профилактического учреждения вследствие обострения конкуренции между медицинскими учреждениями, а также на рынке труда медперсонала;
- сокращение теневого сектора здравоохранения.

Роль и влияние платных медицинских услуг условно можно разделить на три сферы: для потребителей, для системы здравоохранения и для общества в целом. Свобода выбора цены, качества и количества медицинских услуг, а также возрастание качества предоставления услуг за счет конкуренции являются значимыми для потребителей. Для системы здравоохранения развитие платных медицинских услуг означает развитие медицинской практики и науки; развитие предпринимательства, обеспечивающего создание новых рабочих мест и возможностей. Для общества в целом – ценовая, временная и территориальная доступность медицинского обслуживания; улучшение общественного здоровья и увеличение срока жизни.

Развитие сегмента платных медицинских услуг создает предпосылки для вовлечения в процесс оказания услуги третьих лиц. Так, общей практикой становится заключение прямых договоров между предприятием и медицинским учреждением на оказание ряда услуг сотрудникам предприятия. В российской практике медицинское обслуживание стало одной из важнейших составляющих социального компенсационного пакета в менеджменте персонала.

Развитие конкуренции в платном секторе здравоохранения заставляет руководителей ЛПУ искать новые пути и возможности реализации своих услуг, что способствует улучшению обслуживания, качества и ассортимента предлагаемых населению услуг.

Вместе с тем развитие платного здравоохранения требует особых подходов к регулированию данного рынка, более жестких по сравнению с рынками иных услуг. Недопустимо сокращение или увеличение себестоимости в ущерб экономическим интересам и здоровью пациента.

В отличие от государственных, управление частными лечебно-профилактическими учреждениями, финансируемыми учредителями (физическими или юридическими лицами), отличается рядом особенностей:

- имеет большую гибкость, большую свободу в принятии решений;
- принятие управленческих решений диктуется прежде всего экономическими параметрами, что обеспечивает эффективность при соблюдении принципа прямой взаимосвязи между доходами и расходами.

Данные преимущества позволяют частному сектору полноценно удовлетворять индивидуальные запросы населения на более высоком профессиональном и технологическом уровне, обеспечивая тем самым высокое качество обслуживания. Именно в этом отношении частные медицинские учреждения составляют реальную конкуренцию государственному сектору.

При этом, однако, обостряется противоречие баланса социальных и экономических интересов. Авторы исходят из предположения о том, что рынок

платных медицинских услуг является дополняющим элементом к взаимодействию системы ОМС и ДМС, играя все более важную роль и постепенно становясь ключевым элементом системы здравоохранения.

Полученные статистические данные достаточно плотно коррелируют с результатами качественного социологического исследования. Обращение к общественному мнению позволяет выявить проблемы, которые не доступны для отражения цифрами официальной статистики, а главное – выявить причины неудовлетворенности медицинским обслуживанием.

С помощью показателя удовлетворенности с позиции основных потребителей оценивается состояние лечебно-диагностического процесса, условия, в которых этот процесс осуществляется, выявляются имеющиеся проблемы и причины их возникновения. Мнение пациентов складывается преимущественно под воздействием собственного опыта, относящегося к конкретному учреждению или виду помощи. Согласно полученным результатам, целостное восприятие потребителями качества медицинского обслуживания в регионе скорее негативное. Качественные исследования подтвердили, что существенным фактором, формирующим уровень общей удовлетворенности, является доступность медицинской помощи. Практически все участники исследования отмечают трудности при получении доступа к медицинской помощи. Среди причин называют долгое ожидание скорой помощи, очереди и записи на прием за месяц вперед, трудность доступа к узким специалистам. При этом, по мнению большинства, в г. Тюмени решена проблема живых очередей как таковых (имеется в виду только город Тюмень, малые города и сельская медицина специально не изучались, но отдельные упоминания – самые негативные), практически все отмечают удобство электронной записи через Интернет (все возрастные группы) и по единому номеру телефона. Однако участниками фокус-группы № 2 (работающие, средний возраст 26–57 лет) отмечена проблема появления скрытых очередей, поскольку чтобы записаться к врачу, особенно к узкому специалисту приходится ожидать в среднем 2–3 недели. Подавляющее число участников фокус-группы № 1 (работающие и неработающие пенсионеры) отмечают недоступность медицинской помощи, которая проявляется, например, в отсутствии возможности получить талон на прием, острой нехватке или полном отсутствием узких специалистов, ограниченность возможности попасть к ним на прием. Исследование показало единодушие во взглядах респондентов всех групп (экспертов, участников фокус-групп, опрошенных больных) по вопросу нехватки узких специалистов. Следовательно, проблема неукomплектованности штата узкими специалистами является одной из самых актуальных.

Следующая важная проблема – уровень квалификации специалистов, особенно остро стоит вопрос о квалификации молодых врачей. При этом на вопрос о предпочтениях в обращении к молодым или опытным специалистам отвечают, что опыт имеет большое значение, однако нередко случаи, когда молодой специалист относится более внимательнее, приветливее, работают добросовестно и старательно. Люди старшего поколения отмечают,

что врачи при общении с ними не выходят на уровень пациента, плохо объясняют или отказываются вовсе объяснять информацию по заболеванию и его лечению.

Выводы. Не подлежит сомнению факт, что здоровье является основным ресурсом и стратегическим богатством общества. Результаты однофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о незначительных различиях в категориях групп, дифференцированных по возрасту, региону проживания, уровню материального состояния и самооценке здоровья, относительно суждения, что главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии.

Получение качественной медицинской помощи, минимизация недостатков функционирования системы здравоохранения является актуальным для жителей региона. В подтверждение этому 41 % опрошенного населения на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения?» отмечает необходимость улучшения медицинского обслуживания. Решение этого вопроса стоит наравне с повышением доступности жилья и созданием новых рабочих мест.

В общественном мнении формируется четкое разделение на сферы позитивных и негативных оценок. Наряду со всеми недостатками государственного медицинского обслуживания в регионе, респонденты всех групп (эксперты, участники фокус-групп, опрошенные больные) сходятся в оценках высокотехнологической медицинской помощи, отмечают ее улучшение, высокое качество предоставляемых услуг.

Хорошие оценки получило качество и количество лабораторных и клинико-диагностических исследований. В целом многие эксперты негативно отмечают состояние первичного звена в системе медицинского обслуживания (оценивают «удовлетворительно» или «неудовлетворительно»). Однако эксперты, работающие в муниципальных поликлиниках, оценивают региональную систему здравоохранения значительно лучше (в ответах на вопрос о работе медицинских учреждений города доминируют оценки «хорошо»).

Итак, главные проблемы системы здравоохранения, характерные не только для конкретного региона, но и для всей страны. Эти проблемы практически одинаковым образом актуальны для всех категорий населения, всех регионов, причем разрывов между мнениями пациентов и врачей не было найдено: дефицит врачей и особенно узких специалистов; новая система оплаты труда повысила заработки только врачей, средний и младший персонал без изменений, поэтому достаточно большая смена кадров; остро стоит проблема неукomплектованности штата специалистами. Качество оказываемых медицинских услуг ухудшилось, а их стоимость возросла; введение электронных очередей и иных технологий очереди, в итоге не решает проблему, появляются скрытые очереди; ощущается недостаток бесплатных лекарств, предоставляемых по специальным рецептам; сокращения работников системы здравоохранения привели к увеличению нагрузки на медперсонал и к снижению качества оказываемых услуг; снизилась мобильность и оперативность врачей, работающих по вызовам, увеличилось время прибытия по экстренным вызовам; в целом уменьшилась доступность первичного звена.

Таким образом, авторами подтверждается вывод о том, что низкие оценки системы здравоохранения в нашей стране обусловлены не аффективными или оценочно-психологическими компонентами, а являются вполне рационалистическими.

Рациональные ожидания индивидов не подкрепляются адекватными ответами системы, ожидаемые и заявленные цели в сфере здравоохранения находятся в существенном диссонансе, а поле профессионального дискурса не достигает массового сегмента. Все эти компоненты формируют крайне негативный фон, на котором остаются практически не замеченными усилия по реформированию системы, которые государство предприняло в последние десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер ; пер. с англ. изд. А. И. Кравченко // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 169–183.
2. Заблудовский, П. Е. История медицины / П. Е. Заблудовский, Г. Р. Крючок, М. К. Кузьмин, М. М. Левит. – М. : Изд-во «Медицина», 1981. – Режим доступа : <http://coollib.net/b/248991>
3. Иванов, В. Н. Анализ динамики расходов на здравоохранение и образование в современной России / В. Н. Иванов, А. В. Суворов, Е. Е. Балашова, С. В. Трещина // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3. – С. 31–44.
4. Лапин, Н. И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения / Н. И. Лапин // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 17–29.
5. Мертон, Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности / Р. К. Мертон // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 256–276.
6. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллективная монография / под ред. Г. Ф. Ромашкиной, В. А. Давыденко. – Тюмень : ТюмГУ, 2015. – 333 с.
7. Штомпка, П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 3–13.
8. Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».
10. Castells M., Caraça J. and Cardoso G. (eds.) (2012) *After math: The Cultures of the Economic Crisis*, Oxford University Press, Oxford.
11. Edwards R. (2008) "Who Is Hurt by Pro-cyclical Mortality?", *Social Science and Medicine*. – Vol. 67. – № 12. – P. 2051–2058.
12. Europe 2020 indicators of poverty and a social exception. – Режим доступа : http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Europe_2020_indicators_-_poverty_and_social_exclusion
13. Health at a Glance 2015. OECD Indicators. – Режим доступа : http://dx.doi.org/10.1787/health_glance-2015-en.
14. Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. The crisis and its aftermath. – Режим доступа : http://dx.doi.org/10.1787/soc_glance-2014-en
15. World Health Organization, Table of key indicators, sources and methods by country and indicators. – Режим доступа : URL: <http://apps.who.int/nha/database/> – Режим доступа : [Key_Indicators_by_Country/Index/en](http://apps.who.int/nha/database/Key_Indicators_by_Country/Index/en)
16. Врач – одна из самых незащищенных профессий. Медицинский праздник со слезами на глазах // Независимая газета. Колонка обозревателя. – 2015. – 23 июня.

УДК 316.3 – 053.6
ББК С 52

**СПРАВЕДЛИВОЕ ОБЩЕСТВО:
МНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(по итогам прикладного социологического исследования)**

**SOCIAL WELLBEING AND RELIGIOUS
ORIENTATIONS OF MODERN STUDENTS
(based on the applied sociological research)**

ДУЛИНА Надежда Васильевна

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: dulina@vstu.ru

DULINA Nadezhda V.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: dulina@vstu.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты опроса студентов, среди задач которого было выявление отношения студенческой молодежи к социальной справедливости. Дается характеристика молодежи как социально-демографической группы, и на основе результатов прикладного социологического исследования по шкале «несправедливое – справедливое» дается оценка студентами современного российского общества.

Ключевые слова: ценности, молодежь, студенты, социальная справедливость, справедливое общество.

Abstract. This article analyzes the results of a survey among students whose task was to identify the relationship of students to social justice. The characteristic of youth as to social and demographic group is given, and on the basis of results of an applied sociological research on a scale «unfair – fair» an assessment students of the modern Russian society is given.

Keywords: values, youth, students, social justice, equitable society.

Социальная справедливость является основополагающим принципом общественного устройства. «В терминах «справедливо – несправедливо» люди оценивают существующие порядки, действия власти, отдельных лиц или социальных групп, защищают свои конкретные интересы. Идеи справедливости, как свидетельствует история, овладевая умами и сердцами огромных масс людей, становятся мощным фактором преобразования общественных отношений» [2, с. 53]. Именно поэтому проблема социальной справедливости является в настоящее время одной из важнейших проблем, решение которой, безусловно, имеет не только научное, но и практическое значение. Особенно остро вопросы «справедливости – несправедливости» стоят среди молодежи в силу специфики самой этой социально-демографической группы.

Отличительное социальное качество молодежи связывается с ее «способностью наследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передавать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений. Реализуя свои собственные устремления на саморазвитие и самореализацию, молодежь объективно становится главным фактором сохранения и развития страны, воспроизводства ее исторического и культурного наследия и выработки новых способов деятельности» [17, с. 9]. Именно поэтому молодежь (и студенчество как авангард молодежи) находится под пристальным вниманием не только исследователей (см., напр., [4; 11–13; 15; 18; 20; 24; 25] и др.), но и власти и государства. Среди основных задач государства –

создание условий, способствующих активизации внутреннего потенциала молодежи в направлении ее собственного развития и преодоления кризисных явлений в обществе [31; 42].

Из всех социальных групп, представленных в структуре населения, именно молодежь обращена в будущее. В этой связи особый интерес представляет то, как понимают молодые люди, что такое социальная справедливость, каким, по их мнению, должно быть справедливое общество. О представлениях молодежи можно составить собственное представление, если обратиться к результатам Всероссийского социологического исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», которое было выполнено в преддверии V Всероссийского социологического Конгресса (Екатеринбург, 19–22 октября 2016 г.) под эгидой Российского общества социологов (РОС). Руководители полевого этапа проекта: Ю. Р. Вишневский, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург), Н. В. Дулина, доктор социологических наук, профессор (г. Волгоград), Е. Н. Икингрин, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа-Нижневартовск).

Первоначальный вариант инструментария был разработан доктором социологических наук, заместителем директора по научной работе Института социологии РАН, руководителем сектора социальной мобильности М. Ф. Чернышом и доктором философских наук профессором, Президентом РОС В. А. Мансуровым. Однако М. Ф. Черныш и В. А. Мансуров разрабатывали инструментарий для изучения общественного мнения по обозначенным выше проблемам населения страны в целом. Для реализации целей и задач опроса студенческой молодежи инструментарий был адаптирован кандидатом социологических наук доцентом Е. Н. Икингрин и кандидатом социологических наук доцентом Д. В. Шкуриным (г. Екатеринбург).

Исследование носило инициативный характер. В состав творческого коллектива вошли те исследователи, кому предложенная тема показалась интересной и требующей научной проработки. Обработка полученных результатов проводилась с помощью программного комплекса «Vortex» (разработчик – Д. В. Шкурин, к. соц. н. доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина), организация процесса формирования (или, как говорят социологи, сливания) общего массива и первичная обработка собранной в ходе исследования информации выполнена Д. В. Шкуриным.

Объект исследования – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству и социальной несправедливости. Метод сбора информации – анкетирование. Всего в исследовании было опрошено 3964 респондента в 26 городах России. Респонденты данного исследования – это студенты 71 вуза страны. Дизайн выборки исследования по массиву в целом и по Волгограду представлен в табл. 1. В Волгограде в опросе принимали студенты Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ) и студенты Волгоградского государственного университета (ВолГУ). Всего в Волгограде было опрошено 460 респондентов.

Таблица 1

**Дизайн выборки всероссийского исследования
«Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», %**

Признаки	Волгоград, N = 460	Весь массив N = 3964
Пол респондентов		
Мужской	50,5	31,7
Женский	49,5	68,3
Возраст респондентов		
До 18 лет	2,0	3,8
18 лет	12,9	19,7
19 лет	50,7	30,1
20 лет	23,5	21,4
21 год	7,6	15,4
22 года	2,2	5,1
23 – 29 лет	1,1	3,6
30 лет и старше	0,0	0,8
Курс обучения		
1–2 курс	83,6	63,8
3 курс	8,9	18,1
4–5–6 курс	5,7	14,6
Магистратура (аспирантура, интернатура, ординатура...)	1,6	2,7
Не являюсь студентом	0,2	0,7
Специальность, по которой обучаются респонденты		
Техническая	57,7	28,7
Естественно-научная (биология, география, химия и т. д.)	7,1	5,5
Гуманитарная (психология, социология, литературоведение)	6,0	39,3
Экономическая (менеджер, экономист, финансист)	28,3	20,5
Медицинская	0,0	1,7
Военная	0,0	0,4
Другая специальность	0,9	3,8

Задача репрезентации выборки не ставилась, следовательно, полученные результаты не могут быть распространены на всю студенческую молодежь страны, а только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем поля позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточный объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы.

Предваряя представление результатов выполненного социологического исследования, считаем необходимым, обозначить основные характерные черты молодежи как социально-демографической группы и субъекта соци-

альных отношений. В настоящее время под молодежью понимается социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми и другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе [40]. Заметим, что так было далеко не всегда. Выделение молодежи как социально-демографической группы населения и длительность периода «молодости» для различных социальных групп определяется их местом в социально-статусной структуре общества. Важнейшей стороной социализации является становление молодого человека как профессионала и гражданина. Чем сложнее сфера профессиональной деятельности, тем больше длительность фазы «молодости», и чем выше статус социальной группы, тем продолжительнее эта фаза [5].

Так, например, в период феодализма для крестьянских детей фаза «молодость» не существовала в принципе, а вот для молодых дворян она занимала длительный период, поскольку для юношей необходимо было освоение особых мужских социальных ролей, требующих времени. Следует обратить внимание и на гендерный аспект, когда девочек в 13–14 лет уже выдавали замуж, иначе говоря, они, минуя фазу «молодости», становились взрослыми. Н. Смелзер пишет, что в средневековой Европе не существовало представления о детстве как отдельном жизненном этапе развития личности: «В обществах средневековой Европы с детьми обращались, как со взрослыми, если они могли жить без постоянной опеки и присмотра. В то время не существовало представления о детстве как о жизненном этапе» [43, с. 371]. Как отмечает Дж. Пламб, в языке даже отсутствовало специальное слово, обозначающее мальчиков в возрасте от 7 до 16 лет, а слово «ребенок» было связано с родственными отношениями и не относилось к возрасту человека [57]. Все это в еще большей степени относилось к выделению таких периодов развития личности, как «юность» и «молодость». Не могло быть и речи о формировании молодежи как социально-возрастной группы населения, выделения ее в качестве самостоятельного социального субъекта в социально-статусной структуре общества. Даже в более позднее время, в период колониальных завоеваний, отмечает Дж. Демос, не придавалось особого значения такому этапу развития личности, как юность, а взрослый возраст также не подразделялся на отдельные стадии [55].

Выделение периода юности, а затем и молодости как социально-возрастных этапов развития молодых людей произошло только в конце XIX – начале XX веков. Связано это было прежде всего с потребностями производства, с появлением нетрадиционных профессий, для освоения которых необходимо было особое время, обусловленное спецификой трудовой деятельности. Формирование понятия «юность», пишет Ф. Мазгроув, в значительной мере обусловлено социально-экономическими переменами в структуре общества, вызванными индустриализацией производства, развитием промышленности, следовательно, это социальное понятие, которое возникло в определенный период развития общества [56].

Переход к новому типу социума, становление гражданского общества связано с появлением новых социальных ролей, прав и обязанностей. Общество стало предоставлять молодежи определенный период времени для освоения социальной роли гражданина и создавать соответствующие условия. На решение этой задачи были ориентированы социальные институты, в той или иной степени связанные со становлением личности, и особенно система образования [5].

Р. В. Сергеев отмечает, что, с одной стороны, процесс акселерации существенно ускорил физическое и, в частности, половое созревание детей и подростков, которое традиционно считается нижней границей юности. С другой стороны, усложнение трудовой и общественно-политической деятельности, в которой должен участвовать человек, вызывает удлинение общественно необходимого срока подготовки к жизни, в частности периода обучения, с которым ассоциируется известная неполнота социального статуса. Современная молодежь дольше обучается в школе и позже начинает самостоятельную трудовую жизнь. Усложнились и сами критерии социальной зрелости. Начало самостоятельной трудовой жизни, завершение образования и приобретение стабильной профессии, получение политических и гражданских прав, материальная независимость от родителей, вступление в брак и рождение первого ребенка – все эти события в своей совокупности дают человеку чувство полной взрослости и соответствующий социальный статус [40]. Однако следует иметь в виду, что сам процесс взросления молодежи усложняется и фрагментируется. Как отмечает Е. Л. Омельченко, «“Взрослость” уже не может рассматриваться в качестве конечного пункта успешной социализации, приобретения стабильного статуса и завершения “молодости”» [26, с. 4].

В социологии самым распространенным является понятие «молодежь», предложенное в свое время В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [23, с. 14]. Позже более полное определение было предложено И. С. Коном: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [21, с. 375].

Возраст является эмпирическим индикатором молодежи, но не является основанием для формирования ее границ. Возрастные рамки отнесения к молодежи не являются универсальными, напрямую зависят от особенностей исторического этапа развития общества. Тем не менее, как правило,

нижнюю возрастную границу, входящих в группу молодежи, авторы устанавливают между 14 и 16 годами, а верхнюю – между 25 и 30 годами и даже позже. Нижняя граница объясняется половым созреванием и началом профессионального обучения. Верхняя граница выражена окончанием данного обучения, достижением экономической самостоятельности, вступлением в брак, рождением детей и т. д. [6].

Итак, молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. В Российской Федерации в 2014 г. проживало более 34 млн человек в возрасте от 14 до 30 лет включительно, что составляет около 24 % численности населения страны [17, с. 11]. Если обратиться к статистике, то в 2014 году в России проживало 36272 тыс. человек в возрасте от 15 до 34 лет, на начало 2016 года этот показатель составлял 39804 тыс. человек [51].

Молодежь – это не только социально-демографическая группа, но и социальный субъект. Именно эта группа отличается наибольшим потенциалом мобильности. Она быстрее, чем люди среднего или старшего возраста адаптируется к изменяющейся ситуации и может получить максимум выгоды от социальной трансформации, происходящей в обществе. Именно молодежь наиболее активно осваивает современные информационные и телекоммуникационные технологии с их стремительно растущим потенциалом и быстро снижающимися издержками, которые «открывают большие возможности для новых форм международного сотрудничества как в рамках отдельных сфер общественной жизни, так и общества в целом» [41].

Студенчество представляет собой определенную часть молодежи, которая имеет как общие со всей молодежью черты, так и специфические особенности [19], что не единожды подтверждено результатами прикладных социологических исследований, в том числе выполненных при участии авторов (см., напр., [1; 11; 20; 24; 28] и др.).

Студент (от лат. *studens*, род. падеж *studentis* – усердно работающий, занимающийся) – учащийся высшего, в некоторых странах и среднего учебного заведения. В Древнем Риме и в средние века студентами называли любых лиц, занятых процессом познания. С организацией в XII веке университетов термин «студент» стал употребляться для обозначения обучающихся (первоначально и преподающих) в них лиц; после введения ученых званий для преподавателей (магистр, профессор и др.) – только для учащихся [40].

В настоящее время под студенчеством понимается группа, представленная учащимися высших учебных заведений. Термин «студенчество» обозначает собственно студентов как социально-демографическую группу, характеризующуюся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением и т. д.; определенное общественное положение, роль и статус; особую фазу, стадию социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями.

Как уже было отмечено выше, с развитием производства и технологий повышается социальная значимость высшего образования, а следовательно,

и роль студенчества в жизни общества. Студенчество является не только источником пополнения квалифицированных кадров, интеллигенции, но и само составляет довольно многочисленную и важную социальную группу. Росстат фиксирует, что система высшего образования России по состоянию на 2015 г. объединяет 530 государственных и 366 негосударственных вузов, в которых обучается 4766,5 тыс. человек [39]. Если численность трудоспособного населения (мужчины в возрасте 16–59 и женщины 16–54 лет) России на январь 2015 года составляла 85,6 млн. человек [49], то несложно посчитать, что почти 6 % трудоспособного населения составляют студенты вузов. Вне сомнения, что объективные условия развития общества требуют активизации личностных возможностей молодежи, ее личностного потенциала.

По данным Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2015 г. в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего образования обучалось 4061,4 тыс. чел., в частных образовательных организациях высшего образования – 705,1 тыс. человек. Следует обратить внимание на тот факт, что общее число образовательных организаций высшего образования в стране год от года сокращается, так же как и уменьшается количество студентов. Но при этом, по сравнению с 2014 г., общее число образовательных организаций высшего образования сократилось на 5,7 % (или на 54 единицы); число государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования в 2015 г. уменьшилось на 3,3 % (18 единиц); а количество действующих частных образовательных организаций высшего образования – на 9,0 % (на 36 единиц). В то же время численность студентов образовательных организаций высшего образования в 2015 г. (по сравнению с 2014 г.) уменьшилась на 442,5 тыс. человек, из них 77,8 % – студенты государственных и муниципальных образовательных организаций [39].

На начало 2014 / 15 учебного года в России на 10 000 человек населения приходилось 356 студентов [38, с. 207]. Численность преподавательского состава государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования на начало 2014 / 15 учебного года составляла 271,5 тысяч человек, из которых 192,2 тысячи человек – специалисты высшей квалификации (кандидаты и доктора наук). В частных образовательных организациях высшего образования на начало того же года работали 28,2 тысяч человек, в том числе 13,2 тысячи человек – специалисты высшей квалификации [38, с. 209].

В возрастном интервале молодежи (14–30 лет) студенчество охватывает юношеский возраст (в среднем 17–25 лет), который, как отмечал Л. С. Выготский, «по общему смыслу и по основным закономерностям... составляет, скорее, начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное в цепи периодов детского развития» [8, с. 255]. По свидетельству Б. Г. Ананьева, этот возрастной этап характеризуется интенсивным развитием физического и умственного потенциала личности, повышением работоспособности и динамикой активной продуктивной (в том числе и учебной) деятельности [42]. Данный период в социально-психологическом аспекте, как отмечает

И. А. Зимняя [16], отличается наиболее высоким уровнем познавательной мотивации, активным «потреблением культуры», высокой социальной и коммуникативной активностью, гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости. Это определяется индивидуальными и вариативными особенностями становления и структурирования интеллекта личности [10].

Хотя молодежь в силу возраста, уровня квалификации и тому подобного пока не играет существенной роли в социально-экономической сфере общества, она является активным социальным субъектом, на которого замыкается практически вся жизнедеятельность общества. Так, например, в производственно-экономической сфере молодежь является крупным потребителем товаров и услуг, особенно новаторских и перспективных: модные товары, современная техника, Интернет и компьютеры, кино и аудиопродукция и т. п. Специалисты объясняют успех ряда компаний и предприятий именно тем, что они делают ставку на производство товаров и услуг для молодежи. Молодость при расширении доступа к информационным источникам становится важным ресурсом и явным преимуществом.

Именно молодежь, как уже обозначалось выше, – самый крупный потребитель услуг в сфере образования. В политическом поле молодежь выступает как электорат, за который идет упорная борьба политических сил и партий. Хотя в литературе часто отмечают выраженную аполитичность современной российской молодежи, однако это поверхностное суждение. Молодежь стремится играть активную общественно-политическую роль, но быстро распознает манипуляции взрослых политиков и их стремление использовать ее потенциал в игре политических сил (см., напр., [9; 47] и др.). Иначе говоря, в мире глобально-локальных культурных потоков изменяются не только возрастные границы молодежных групп, но и их численность, состав, интересы, ценности, символические координаты.

Итак, можно заключить, что в настоящее время молодежь России (и студенчество как определенная часть молодежи) – это многочисленная группа, каждый индивид которой попадает в социокультурные условия, способствующие (или не способствующие) развитию, наращиванию и проявлению личностного потенциала. Именно социокультурный контекст способствует актуализации тех или иных компонентов личностного потенциала, а затем и их реализации в соответствии с актуализированными потребностями личностной сферы. Личностный потенциал имеет тенденцию к восполнению и наращиванию. Если это так, то существуют факторы, способствующие данным процессам. Полагаем, что существенным фактором, определяющим выбор молодежи, и студенчества как ее авангардной части, являются определенные базовые ценности: равенство и справедливость, нравственность и мораль, социальная солидарность и социальная ответственность.

Мы не будем в данном случае заниматься теоретической проработкой понятия «социальная справедливость» – копий и в жизни, и в академических кругах по этому поводу сломано не мало, это уже достаточно хорошо сделано в научной литературе (см., напр., [27; 29; 36; 50; 52–54] и др.). Наша

задача значительно скромнее, попытаться понять, какое же общество молодежь страны считает справедливым. Специального вопроса о том, как именно понимают студенты, что такое справедливое общество и / или социальная справедливость в инструментарии исследования не было предусмотрено. Какой именно точки зрения на понятия социальной справедливости в своих ответах они придерживались, мы точно знать не можем.

Напомним, что существует несколько точек зрения, по-разному объясняющих данный социальный феномен. Самым, наверное, распространенным является представление, согласно которому «социальная справедливость как идеальная ценность представляет собой абсолютизированное представление о том, каким должен быть мир и общество, чтобы обеспечивать «свободу, равенство, братство», соблюдение прав *всех* людей в обществе или в целом на Земле. Это идеальное представление задает желаемые ориентиры, к которым постоянно стремится как общество (по крайней мере, демократическое), так и каждый отдельный человек» [54, с. 231]. Именно такое понимание справедливости можно обнаружить в работах Платона, гуманистов эпохи Просвещения, социалистов-утопистов, а также встречается и в рассуждениях современных исследователей.

Однако в подходах к изучению феномена социальной справедливости наблюдается и другое направление мысли. В представлениях П. Сорокина, К. Поппера, Дж. Ролза, В. Н. Аргуновой и др. (см., напр., [44; 30; 37; 2; 3] и др.) о социальной справедливости можно заметить одну и ту же тенденцию – стремление операционализировать понятие социальной справедливости, то есть конкретизировать эту идеальную общечеловеческую и вечную ценность. В русле таких рассуждений можно прийти к заключению, что «Социальная справедливость – это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных и неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества» [54, с. 232]. В инструментарии социологического исследования, о котором речь шла выше, был использован именно такой подход.

Один из вопросов исследования был посвящен оценке уровня справедливости в современном российском обществе. Этот вопрос был сформулирован следующим образом: «Представьте себе шкалу от 0 до 10 баллов, на одном полюсе которой находится совершенно несправедливое, а на противоположном – абсолютно справедливое общество. В какой точке этой шкалы находится современное российское общество?». Сорок человек (1,01 %) от общего числа опрошенных не смогли определиться со своей оценкой и ответить на предложенный вопрос (в Волгограде – 5 человек не ответили на этот вопрос, 1,08 % от общего числа). Обобщенные ответы остальных респондентов (по массиву в целом и по Волгограду) представлены в табл. 2.

Нельзя не заметить, что оценки в большинстве своем смещены в отрицательную часть шкалы. Иначе говоря, студенты склонны современное рос-

сийское общество оценивать как несправедливое, но в Волгограде студенты более критично воспринимают ситуацию, чем в целом по стране.

Таблица 2

Оценка студентами справедливости современного российского общества,
% от числа ответивших на вопрос

Совершенно несправедливое	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Совершенно справедливое
	Волгоград											
	7,7	11,8	21,0	29,5	12,3	10,9	4,8	1,8	0,2	0,0	0,0	
	Массив в целом											
	4,3	6,3	15,2	24,2	19,9	16,6	7,8	4,2	1,2	0,2	0,1	

А каким им видится справедливое общество? Вопрос в анкете предлагался в формулировке: «Мы хотели бы знать, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе (СО). В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?». Ответы студентов сведены в табл. 3. В процессе обработки полученных данных альтернативам в вопросах о справедливом обществе были присвоены следующие шкальные значения: «Полностью согласен» – «+1», «В основном согласен» – «+0,5», «В чем-то да, в чем-то нет» – «0», «В основном не согласен» – «-0,5», «Совсем не согласен» – «-1», то есть чем ниже значение индекса, тем ближе оно к полному отрицанию утверждения, и наоборот. Последней колонкой в таблице представлено среднее значение (индекс) по каждому из предложенных утверждений. В ячейках таблицы в числителе представлены оценки студентов Волгограда, в знаменателе – оценки, рассчитанные по массиву в целом.

Справедливость как категория нравственности имеет диалектический характер, соединяя личностное и общественное, субъективное и объективное, т. е. раскрывает свое содержание через систему взаимодействий личности, общества и государства. Вполне ожидаемо, что студенты выразили согласие с утверждением о том, что «специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией» (индекс 0,479). Студенты считают вполне справедливым, когда люди получают по труду (индекс 0,465) и равные возможности продвижения (индекс 0,541).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что студенты современное российское общество в большинстве своем склонны оценить как несправедливое (см. табл. 2). К основным чертам, которыми должно характеризоваться справедливое общество, студенты отнесли следующие:

- люди в таком обществе имеют разные доходы, но равные возможности продвижения;
- специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией;
- все люди получают по труду (именно поэтому, видимо, студенты выразили свое несогласие с позицией, что «все доходы распределяются поровну между всеми гражданами»);

- предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные;
- богатые в таком обществе налогов платят больше, чем бедные.

Таблица 3

Мнение студентов о том, как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе,
% от числа опрошенных

Варианты ответов	Полностью согласен (+1)	В основ- ном согласен (+0,5)	В чем-то да, в чем-то нет (0)	В основ- ном не согласен (-0,5)	Совсем не согла- сен (-1)	Индекс
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продви- жения	<u>41,36</u> 45,68	<u>32,82</u> 28,16	<u>16,85</u> 17,44	<u>7,00</u> 6,08	<u>1,97</u> 2,64	<u>0,523</u> 0,541
Специалисты, имеющие высо- кую квалификацию, зарабаты- вают больше, чем работники с невысокой квалификацией	<u>33,91</u> 32,87	<u>39,57</u> 39,50	<u>20,00</u> 20,36	<u>4,57</u> 5,19	<u>1,96</u> 2,08	<u>0,495</u> 0,479
Все люди получают по труду	<u>40,26</u> 38,41	<u>30,42</u> 31,12	<u>18,16</u> 19,47	<u>7,22</u> 6,98	<u>3,94</u> 4,01	<u>0,479</u> 0,465
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные	<u>23,21</u> 25,50	<u>27,77</u> 32,13	<u>35,57</u> 28,79	<u>9,33</u> 9,34	<u>4,12</u> 4,23	<u>0,283</u> 0,327
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные	<u>30,07</u> 30,94	<u>28,54</u> 26,30	<u>23,75</u> 26,35	<u>10,46</u> 9,84	<u>7,19</u> 6,57	<u>0,319</u> 0,326
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их непра- вильными	<u>11,76</u> 15,59	<u>30,50</u> 33,13	<u>41,61</u> 38,70	<u>9,15</u> 8,35	<u>6,97</u> 4,23	<u>0,155</u> 0,238
Руководители имеют сущест- венно больший доход, чем ря- довые работники	<u>16,09</u> 15,56	<u>27,61</u> 29,70	<u>33,48</u> 34,24	<u>16,09</u> 15,43	<u>6,74</u> 5,07	<u>0,151</u> 0,176
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия госу- дарству	<u>10,43</u> 8,98	<u>19,13</u> 13,38	<u>42,39</u> 41,04	<u>17,83</u> 21,09	<u>10,22</u> 15,51	<u>0,009</u> -0,104
Все доходы распределяются по- ровну между всеми гражданами	<u>8,28</u> 8,40	<u>11,98</u> 10,88	<u>25,71</u> 26,05	<u>27,45</u> 29,40	<u>26,58</u> 25,27	<u>-0,260</u> -0,261

Однако тень сомнения закрадывается в душу студента, когда он задумывается над тем, что люди должны всегда соблюдать законы, даже если считают их неправильными, что руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники. И практически не согласны с тем, что в справедливом обществе все предприятия должны принадлежать государству.

Если сравнить результаты исследования по массиву в целом с результатами его волгоградской части, то нельзя не заметить, что в некоторых своих оценках студенты Волгограда настроены более критично, чем студенты страны в целом. Причем это значимые различия, которые нельзя объяснить только погрешностью выборки. Полагаем, что на этих оценках отражается

неблагоприятная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Волгоградской области и ее областном центре г. Волгограде, формируя определенные социальные настроения и социальное самочувствие населения региона. Такие оценки, как минимум, не подтверждают официальные оценки, которые дает региональная власть: ««Волгоградская область является регионом – российским лидером в ряде отраслей и секторов экономики (металлургия, нефтехимия, сельское хозяйство), но при этом в последние годы демонстрирует относительно невысокие ключевые показатели социально-экономического развития» [48]. Справедливости ради заметим, что данная оценка совпадает с оценками, представленными и независимыми экспертами (см. «Социальный атлас российских регионов» [46]), где Волгоградская область попадает в золотую середину, а именно в группу «А», которая характеризуется как освоенная зона, более урбанизированные среднеразвитые промышленные регионы. Среди социальных преимуществ региона названы: наличие миллионной агломерации, более развитое сельское хозяйство, относительно высокий уровень бюджетных доходов, более высокая продолжительность жизни населения. Среди недостатков названы: более медленный экономический рост в докризисный период (до 2009 года) и сильный спад в ходе кризиса; зависимость экономики региона от нефтеперерабатывающей отрасли; неэффективность и неконкурентоспособность многих промышленных производств, унаследованных от советского времени; низкий уровень развития третичного сектора, жилищного строительства, высшего образования, несмотря на наличие миллионной волгоградской агломерации; низкая инвестиционная активность; повышенный уровень безработицы в ходе нового кризиса; миграционный отток населения; повышенная младенческая смертность и др. (более подробно см.: [46]). Подобная ситуация подтверждается и другими оценками (см., напр., [14; 33; 34] и др.). Однако в «Рейтинге социального самочувствия регионов России» Волгоградская область занимает 75 позицию из 83 обследованных регионов [35]. Снижение всех показателей, характеризующих социальное самочувствие жителей Волгограда и его области, фиксируемое и результатами региональных исследований, подтверждается и данными, приведенными выше.

Напомним, что актуализация проблемы социальной справедливости (как политико-экономической, социальной и нравственной задачи) общества на протяжении многовековой истории человечества всегда выступала симптомом исторической обреченности, выражением объективной потребности в качественных изменениях сложившихся общественных структур [7, с. 3].

Можно заключить, что результатами исследования фиксируется определенное противоречие между текущими и перспективными интересами общества, между несовпадающими интересами молодежи и других социальных слоев. Такие противоречия устраняются грамотной социальной политикой, в том числе и молодежной. Социальная политика, как известно, это мероприятия, направленные на разрешение различного рода противоречий в социуме через разработку и осуществление государственных долго-, средне- и краткосрочных направлений и программ социально-экономи-

ческого развития страны, реализацию программ общественных объединений и политических партий, реализацию социально-экономического потенциала семей и каждого человека [45, с. 113]. Основу таких решений, как правило, составляют данные, полученные в ходе социологических исследований и статистических обследований. Полагаем, что довольно сложная социально-экономическая ситуация в стране требует дальнейшего изучения социальных настроений и социального самочувствия как молодежи, так и всего населения в целом, чтобы проблема социальной справедливости в социуме из ряда важнейших перешла в разряд незначительных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ануфриева, Е. В. Молодежь и межконфессиональное и межнациональное взаимодействие в регионе / Е. В. Ануфриева, Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, Р. М. Петрунева // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 16 (143) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – С. 6–9.
2. Аргунова, В. Н. Социальная справедливость как основа политического и социального порядка / В. Н. Аргунова // Желаемый облик будущей России : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 3 апреля 2015 г. – М. : Наука и политика, 2015. – С. 53–57.
3. Аргунова, В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ / В. Н. Аргунова. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. – 312 с.
4. Ахьямова, И. А. Динамическая модель формирования культуры невербального общения у студенческой молодежи в вузе / И. А. Ахьямова // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 89–94.
5. Бабочкин, П. И. Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе / П. И. Бабочкин. – М. : Издательство Московской гуманитарно-социальной академии «Социум», 2000. – 176 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.studfiles.ru/preview/427166/> (дата обращения 31.07.16).
6. Бохан, А. Е. Особенности социализации современной молодежи в российском обществе / А. Е. Бохан // Интернет-журнал «Науковедение». – 2012. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://naukovedenie.ru> (дата обращения 31.07.16).
7. Винокурова, С. Н. Социальная справедливость как регулятивная основа общественных процессов социально-ориентированного общества : автореф. дис... канд. филос. наук / С. Н. Винокурова. – Самара, 1991. – 17 с.
8. Выготский, Л. С. Проблема возраста / Л. С. Выготский // Собр. соч. : В 6 т. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 4. – 432 с.
9. Гиренко, Ю. А. До и после Путина: реакционные рефлексии / Ю. А. Гиренко. – М. : АСТ, 2008. – 410 с.
10. Грановская, Л. Н. Возрастные преобразования межфункциональных структур взрослых от 18 до 25 лет / Л. Н. Грановская // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. – Л., 1974. – Вып. 2. – С. 15–25.
11. Дулина, Н. В. Студенческая молодежь современной России: будущее начинается сегодня? (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Будущее человека: проблемы, гипотезы, идеи : материалы Междунар. науч. конф., посвященной Всемирному дню философии и 60-летию профессора С. Ю. Колчигина / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – С. 231–242.
12. Дулина, Н. В. Жаркие. Зимние. Твои: общее и особенное в отношении студентов страны к Олимпийским играм в Сочи–2014 (по итогам социологического исследования). Ч. 1 / Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин, Е. Н. Икингрин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (34). – С. 148–158; 2015. – № 2 (35). – С. 217–224.
13. Дулина, Н. В. К вопросу об образовательной миграции студентов вузов внутри страны (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. – 2016. – № 1 (4). – С. 61–64.

14. Дулина, Н. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Социологические исследования. – 2015. – № 3. – С. 22–29.
15. Дулина, Н. В. Культурная память студентов современной России (по итогам социологического исследования) / Н. В. Дулина // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. – 2015. – № 2 (3). – С. 45–53.
16. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 1999. – 384 с.
17. Зубок, Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.
18. Зырянов, С. Г. Ценности молодежи в российском трансформирующемся обществе: региональная проекция (на примере Челябинской области) / С. Г. Зырянов, Д. В. Богданова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2. – С. 159–167.
19. Иконникова, С. Н. Социология о молодежи (проблемы воспитания духовного облика) / С. Н. Иконникова. – Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание», 1985. – 32 с.
20. Каргаполов, С. В. Тематика интересов при посещении Интернета у студенческой молодежи Нижневолжского региона (по результатам конкретного социологического исследования) / С. В. Каргаполов, Н. В. Дулина // Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: материалы Всерос. научно-практич. конф. и «круглого стола» «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. / Редкол.: Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина (отв. ред.), Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар; ВолгГТУ. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – С. 178–183.
21. Кон, И. С. Молодежь / И. С. Кон // Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
22. Конституция Российской Федерации. – М.: ГУ издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 2009. – 64 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 19.08.16).
23. Лисовский, В. Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: автореф. дис... канд. филос. наук / В. Т. Лисовский. – Л., 1968. – 19 с.
24. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа): монография / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова; под. общ. ред. Н. В. Дулиной. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. – 175 с.
25. Нятина, Н. В. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи / Н. В. Нятина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2 (54). – Т. 1. – С. 133–136.
26. Омельченко, Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис... д-ра соц. наук / Е. Л. Омельченко. – М., 2005. – 34 с.
27. Панченко, Д. В. Ямбул и Кампанелла (о некоторых механизмах утопического творчества) / Д. В. Панченко // Античное наследие в культуре Возрождения. – М.: Наука, 1984. – С. 84–110.
28. Парамонова, В. А. Формирование патриотических убеждений современной молодежи на фоне подготовки ко Дню Победы / В. А. Парамонова, Н. В. Дулина // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 213–218.
29. Понятие и реализация социальной справедливости в современной государственной политике // Материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2012. – Вып. 9 (47). – 168 с.
30. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / К. Поппер. – М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

32. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 50. – Ст. 718.
33. Рейтинг регионов России // Генеральный директор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gd.ru/rating2015> (дата обращения: 25.05.2015).
34. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2013.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
35. Рейтинг социального самочувствия регионов России. // Фонд развития гражданского общества. – 23 июня 2014 г. – Вып. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/63> (дата обращения: 25.05.2015).
36. Римский, В. Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках / В. Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 27–36.
37. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевч. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.
38. Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf. (дата обращения 31.07.16).
39. Росстат. Образование / Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.doc (дата обращения 31.07.16).
40. Сергеев, Р. В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа / Р. В. Сергеев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/sociology/molodezh-i-studenchestvo-kak-sotsialnye-gruppy-i-obekt-sotsiologicheskogo-analiza.html> (дата обращения 31.07.16).
41. Сивков, А. В. Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума : автореф. дис... канд. филос. наук. – М., 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mesto-i-rol-mezhkulturnoi-kommunikatsii-v-razvitii-sotsiuma> (дата обращения: 7.02.2016).
42. Ситаров, В. А. Психологические особенности студенческой молодежи с различным уровнем самореализации в обучении / В. А. Ситаров, А. И. Шутенко, Е. Н. Шутенко // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 49–55.
43. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер ; пер. с англ. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
44. Сорокин, П. Проблема социального равенства и социализм / П. А. Сорокин // Коммунист. – 1990. – № 12. – С. 73–80.
45. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под ред. В. Н. Бобкова, А. П. Починка. – М. : ВЦУЖ, 2001. – 288 с.
46. Социальный атлас российских регионов // Независимый институт социальной политики. – 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://www.socpol.ru/atlas/about/index.shtml>.
47. Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие: материалы Всерос. научно-практич. конф. и «круглого стола» «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. / Редкол.: Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина (отв. ред.), Е. В. Ануфриева, Н. А. Овчар; ВолгГТУ. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2015. – 201 с.
48. Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2020 года // Администрация Волгоградской области. – Волгоград, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://volgoduma.ru/images/stories/files/strategija_2020.pdf. (дата обращения 01.08.2015).
49. Улумбекова, Г. Э. Вызовы системе здравоохранения РФ до 2020 г. / Г. Э. Улумбекова – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0653/analit03.php> (дата обращения 31.07.16).
50. Чикаева, Т. А. Государство социальной справедливости: теория и российская практика / Т. А. Чикаева // Понятие и реализация социальной справедливости в современной государст-

венной политике: материалы научного семинара. – М. : Научный эксперт, 2012. – Вып. 9 (47). – С. 75–124.

51. Численность и состав населения // Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls (дата обращения 31.07.16).

52. *Шацкий, Е.* Утопия и традиция / Е. Шацкий ; пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1990. – 456 с.

53. *Швейбельман, С. С.* Элементы социальной стратификации в романе Т. Кампанеллы «Город Солнца» / С. С. Швейбельман // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: материалы XVII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 мая 2005 г.: В 2 ч. / под ред. С. Н. Полторака. – СПб. : Нестор, 2005. – Ч. 1. – С. 42–45.

54. *Шипунова, Т. В.* Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки / Т. В. Шипунова // Проблемы теоретической социологии : межвуз. сб. – СПб. : Астерион, 2005. – Вып. 5. – С. 227–247.

55. *Demos, J.* A little commonwealth: Family in Plymouth Colony / J. Demos. – London: Oxford University Press, 1970.

56. *Musgrove, F.* Youth and social order / F. Musgrove. – Bloomington: Indiana University Press, 1965.

57. *Plumb, J. H.* In the light of tame / J. H. Plumb. – London: Penguin, 1972.

УДК 74.584.31

ГЕНЕЗИС НОРМЫ РЕЗУЛЬТАТА ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ОБЩЕНАУЧНОГО ПОНЯТИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ

GENESIS OF STANDARDS FOR ENGINEERING EDUCATION RESULT IN THE ASPECT SCIENTIFIC CONCEPT OF STANDARTIZATION

БУКАЛОВА Галина Васильевна

Приокский государственный университет,
Орел, Россия
E-mail: 57orleya@gmail.com

BUKALOVA Galina V.

Prioksky State University,
Oreyl, Russia
E-mail: 57orleya@gmail.com

Аннотация. Автор обращается к проблеме анализа генезиса внутривузовской нормативной регуляции результата высшего профессионального образования технического профиля. Генезис образовательной нормы представлен как структурный элемент ее жизненного цикла. Дана характеристика образовательной нормы и ее структурных составляющих – образовательных нормативов. Обозначена ценностно-смысловая роль знания о генезисе образовательной нормы для практической педагогической деятельности.

Ключевые слова: норма результата профессионального образования технического профиля, компетентность выпускника вуза, образовательные нормативы (компетенции), генезис образовательной нормы, норма как структурный элемент стандарта.

Abstract. The author turns to the problem of the analysis of the genesis of realizing effective regulation of the high technical education results. Genesis of educational standards is presented as a structural element of its life cycle. Characteristics of the educational norms and its structural components – the educational standards. Designated value-sense knowledge about the role of the genesis of the educational standards for the practical teaching activities.

Keywords: professional education norm, competency of a high-graduate, the educational norms (competitions), the genesis of educational standards, the norm as a structural element of the standard.

Современное введение стандартизации в сферу профессионального образования актуализирует исследование феномена образовательной нормы – нормы результата образования. Норма результата инженерной подготовки – новый социально-культурный феномен, актуализирующий научно-педагогический анализ результативно-целевого содержания образовательного процесса.

Рассмотрение нормы как общенаучной категории возможно с позиции представления ее в качестве детерминированной модели, в соответствии с которой должен формироваться результат конкретного производственного вида деятельности. Философская трактовка термина «норма» может быть представлена с опорой на перевод слова *norma* (лат.) – руководящее начало, правило, образец [1].

В справочной литературе производственной сферы понятие «норма» фиксируется как «узаконенное установление, признанный обязательный

порядок» [2, с. 442]. Там же понятие «норматив» (от лат. *normatio* – упорядочение) представлен как «поэлементные составляющие нормы». Это определение норматива дает основание соотнести его с отдельной компетенцией выпускника вуза в силу того, что нормативно установленные компетенции составляют структуру нормы результата образования – профессиональной компетентности выпускника. Соответственно данному определению процесс разработки состава и содержания компетенций выпускника вуза правомерно соотнести с процессом образовательного нормирования. Понятие «норматив» трактуется также как «показатель норм, в соответствии с которыми производится какая-либо работа, выполняется какая-либо программа». Процесс разработки нормативов указывается как *нормирование*. В качестве разновидности нормативов дается определение *норматива нематериального* как «позволяющего оценить характеристики, не имеющие четких количественных или качественных показателей» [3, с. 367–368]. Кроме этого, понятие «норматив» трактуется как «все цели и задачи планов и программ, с которыми можно сопоставлять фактические и ожидаемые результаты деятельности» [4, с. 368]. Образовательные нормативы, представляемые компетенциями выпускника вуза, очевидно, относятся к нематериальным нормативам.

Организация, упорядочение – необходимые условия обеспечения эффективности любого вида трудовой деятельности, в том числе и деятельности образовательной. Основание этому – стремление к достижению эффективности деятельности за счет установления обобщенных образцов ее содержания, последовательности и результатов. Исследователь в области теории стандартизации Б. А. Урванцев отмечает: «Коллективный труд нуждается в единых, обобщенных образцах действия. Труд ... не может совершаться вне порядка, последовательности и согласованности целенаправленных действий, вне упорядоченности отношений между людьми» [5, с. 14]. Данный тезис Б. А. Урванцев обосновывает всеобщим свойством материи, состоящим в стремлении к строгому внутреннему порядку. Как очевидное исследователь отмечает, что структурная организация любой человеческой деятельности основывается на таких свойствах реальной действительности, как всеобщая взаимосвязь явлений природы и многократное повторение элементов определенного вида деятельности. Принимая научную позицию указанного исследователя относительно природосообразности и упорядочения коллективной деятельности, можно отметить продуктивность этой позиции для достижения эффективности образовательного процесса посредством стандартизации его результата. Основанием этому служит то, что образовательная деятельность – это вид коллективной деятельности, для которой характерна выраженная взаимосвязь ее субъектов. Более того, в образовательном процессе не существует элементов, для которых была бы характерна полностью независимая деятельность. Повторение однотипных элементов также характерно для образовательного процесса.

Таким образом, сущность упорядочения трудовой деятельности посредством стандартизации в общем виде можно представить как целенаправленное приведение субъекта в состояние готовности к *определенному воздей-*

ствию на предмет труда. Другой компонент процесса упорядочения деятельности состоит в *сохранении* достигнутого состояния упорядоченности. Поэтому можно сделать вывод о том, что способом достижения упорядоченности трудовой деятельности является ее *регулирование*. Следовательно, цель процесса регулирования трудовой деятельности состоит в поддержании определенных условий, которые обеспечивают желаемую эффективность этой деятельности и, как следствие, достижение ее запланированных результатов. Выделяются разновидности нормативной регуляции: традиционная и рациональная. Отмечается, что *традиционная* форма нормативной регуляции не предполагает критического отношения к содержанию норм. *Рациональная* же ее форма допускает уточнение установленных, действующих норм [6]. Для образовательных норм характерными являются обе указанные формы регуляции. Традиционная форма нормативной регуляции осуществляется в течение процесса реализации основной образовательной программы подготовки по данному направлению (специальности). В этот период не предполагается изменений нормативно установленных компетенций выпускника вуза. Во время разработки основной образовательной программы, в период формирования ее вузовского и национально-регионального компонентов, актуализируется рациональная форма нормативной регуляции, допускающая уточнение действующих до этого момента времени нормативов.

Наиболее существенным компонентом регулирования трудовой деятельности признается стандартизация. Понятие «стандартизация» трактуется как «процесс установления и применения стандартов». Стандарт (от англ. standard – норма, образец) в широком смысле слова представляется как «... документ, утвержденный компетентным органом и устанавливающий комплекс норм по отношению к объекту стандартизации» [7, с. 1275–1276]. Стандарты являются необходимым компонентом любой повторяющейся коллективной деятельности и выступают средством, обеспечивающим ее требуемую направленность.

Известным исследователем в области теории социальных норм В. Д. Плаховым отмечено, что по организующей роли удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей со стандартизацией несравним ни один из видов упорядочивающей деятельности [8]. На этом основании можно сделать предположение о продуктивности использования стандартизации и в сфере профессионального образования. В свою очередь, основанием данного предположения служит факт соответствия образовательных норм классу норм социальных.

Стандартизация – специфический способ деятельности, результатом которого являются средства, обеспечивающие достижение целей, которые отражают повторяющиеся общественные потребности [2]. Структуру стандартизации как процесса обобщенно можно представить состоящей из двух элементов. Первый из них соответствует приведению в состояние упорядочения субъекта и объекта деятельности за счет формирования между ними прямых и обратных связей. Второй структурный элемент стандартизации – сохранение и совершенствование состояния указанной упорядоченности.

Таким образом, результатом упорядочивающей деятельности является стандарт. Содержательную структуру стандарта составляет совокупность норм (наряду с соответствующими понятиями, определениями, правилами). Другими словами, нормы функционируют в определенной официально принятой форме – в форме стандарта. Стандарт выступает внешней формой фиксации норм. Однако каждая отдельная норма, в свою очередь, является структурным элементом. Так, содержательную структуру нормы результата образования – профессиональной компетентности выпускника вуза формируют образовательные нормативы (компетенции). Административно утвержденный нормативный документ – основная образовательная программа подготовки по данному направлению (специальности) содержит сведения о декларируемой вузом профессиональной компетентности выпускника вуза как образовательной норме. Способность образовательной нормы, представленной в такой форме, влиять на организацию образовательного процесса, проявляется косвенно (не прямым воздействием). Регулирующая же функция нормы результата образования опосредуется образовательными нормативами (компетенциями выпускника вуза), составляющими ее структуру. Именно компетенции выпускника вуза используются в качестве первоосновы для формирования программ учебных дисциплин и содержания лекционных курсов [9]. Таким образом, непосредственным регулятором нормируемого объекта – результата профессиональности образования выступают образовательные нормативы. На основании этого можно сделать вывод о наличии уровней образовательного нормирования. Норма результата профессиональной подготовки по данному направлению (специальности) отражает первый уровень образовательного нормирования. Совокупность образовательных нормативов (компетенций выпускника), входящих в структуру нормы – второй его уровень.

Таким образом, по сравнению с образовательным нормативом, норма результата профессиональной подготовки является более сложным структурным образованием. Поэтому можно утверждать, что для нормы характерны свойства, присущие образовательным нормативам, а также свойства, присущие именно совокупности нормативов – профессиональной компетентности выпускника вуза.

Из теории стандартизации известно, что для обеспечения правомерности введения нормы в состав стандарта она должна удовлетворять следующим условиям: соответствовать актуальным общественным потребностям, быть пригодной для реализации управляющей функции, быть официально утвержденной (принятой), обладать применимостью в границах своего действия в течение обусловленного периода времени [10]. Характеристическими свойствами нормативных требований являются определенность предписаний и их точность. Это «...позволяет внести в поведение и действия субъекта необходимую четкость, ясность и строгость ... обеспечить необходимую направленность поведения и действий индивидов» [8, с. 187].

Основное назначение нормы результата профессионального образования состоит в том, чтобы определенным образом организовывать, то есть со-

гласовывать, синхронизировать и сводить в определенное единство педагогическую деятельность преподавателей и образовательную деятельность студентов. Функционирование образовательной нормы призвано также обеспечить сохранность качественной целостности объекта нормирования – результата профессиональной подготовки.

В границах системы профессиональной подготовки вуза по данному направлению (специальности) нормотворчество имеет своей целью создание такой совокупности нормативных требований к результату профессионального образования, которые бы значительно снизили вероятность влияния неопределенности, свойственной педагогической деятельности [8]. Данный тезис утверждает возможность продуктивного использования стандартизации результата профессионального образования по конкретному профессиональному направлению (специальности). Наряду с этим необходимо отметить, что в образовательной среде вуза всегда использовались различные типы норм: возникающие стихийно в процессе педагогической деятельности и формируемые целенаправленно. Причем отсутствие целенаправленно разработанных образовательных норм приводит к стихийному их возникновению с возможно отрицательным влиянием на качество результата образовательного процесса.

Рассмотрение генезиса образовательной нормы позволяет выявить механизм ее возникновения и понять основные принципы развития. Норма результата образования технического профиля, условно выражаясь, представляет собой точку пересечения образовательного, производственного и социального процессов. Естественно-исторические предпосылки составляют существенный аспект генезиса образовательной нормы как нормы социального типа. Взаимосвязь человека с природой общепризнана. Так, Платоном замечено, что в природе господствует порядок, направленный к благой цели [11]. На природосообразность упорядочения указывается и современным исследователем В. Д. Плаховым. Им обоснован тезис о том, что генетические предпосылки социальных норм обуславливаются самой движущейся материей [8]. Исследователем отмечается, что саморегуляция, происходящая в природе, составляет прототип регулирующего воздействия социальных норм. В любой сфере деятельности, где объективно возникает повторение, естественным образом стихийно формируются стабильные формы явлений, отражающие относительно устойчивый порядок [12]. Представленные тезисы дают основание предположить, что в силу природно-генетических факторов человек, являясь частью природы, предрасположен к организованному существованию, опираясь на свойство устойчивости, упорядочения своей деятельности. Вероятно, в этом и состоит естественно-историческая предпосылка всех социальных норм, в том числе и норм образовательных. Однако регулирующее действие законов природы на социальные процессы имеет, хотя и всеобщий, но не прямой, а скрытый характер. Как очевидное, В. Д. Плаховым отмечается, что природно-генетические факторы составляют сущностную основу преимущественно естественных систем.

Генезис образовательной нормы представляет собой искусственный нормогенез в силу того, что в данном случае осуществляется нормотворчество, изначально имеющее целенаправленный характер.

Известно, что социальные нормы являются отражением общественных потребностей. Более того, детерминация социальных норм характером общественных потребностей признается общесоциологической закономерностью [13]. В связи с этим В. Д. Плаховым отмечается: «...Нормы как специфические системные образования вызываются ... потребностями ... *самодвижения* (функционирования и развития) социальных систем...» [8, с. 45]. Следовательно, в качестве сущностного фактора основы генезиса образовательных норм правомерно выделить социально-экономический заказ, отражающий суть конкретных общественных потребностей. Структура указанных общественных потребностей, значимых для образовательного нормирования, состоит из следующих элементов:

- потребностей профильной сферы производства в пополнении трудовых ресурсов определенной профессиональной компетентности;
- потребности людей молодого возраста в приобретении актуального профессионального образования;
- потребности государства в гражданском обществе, члены которого обладают личностными качествами, соответствующими его прогрессивному развитию;
- потребности системы профессионального образования в эффективной организации образовательных процессов.

Для выявления генезиса образовательных норм важным представляется факт обусловленности их содержания уровнем развития производительных сил профильной сферы производства. Нормы результата профессионального образования технического профиля неотъемлемы от производственно-социальных потребностей профильной сферы производства. Особенность образовательного нормирования состоит также в том, что между образовательными нормами и общественными потребностями производства существует обратная зависимость. Образовательные нормы, реализуясь в действительную профессиональную компетентность персонала предприятий, опосредованно выполняют функцию движущей силы социально-экономического развития производства. В определенной степени при этом образовательная норма сама превращается в общественную потребность. В этой диалектической взаимосвязи проявляется миссия регулирующего воздействия норм результата инженерного образования. Таким образом, общественные потребности выступают как повод и необходимое условие для формирования и начала функционирования образовательной нормы, то есть являются основанием ее генезиса.

Особенности генезиса образовательных норм обуславливаются также способом их возникновения. Можно выделить целенаправленный, планомерно-сознательный способ формирования образовательных норм. Наряду с этим возможно стихийное возникновение образовательных норм в результате субъективного стремления к саморегуляции, упорядочение повторяю-

щихся элементов педагогической деятельности. Стихийное возникновение образовательных норм можно представить как естественный фактор, сопутствующий, в определенной степени, косвенному взаимодействию системных процессов, таких как образовательный процесс и профильные производственные процессы. При этом нормы данного типа как средство удовлетворения определенных образовательных потребностей и потребностей профильного производства являются, как правило, анонимно созданными или представляют собой результат персонифицированного педагогического опыта, используемого в официально нерегламентированной форме. Очевидно, что в такой форме функционирования они не являются нормами в полном смысле этого понятия. Однако, благодаря возможной практической эффективности, стихийно созданные образовательные нормы с течением времени могут стать объектом восприятия и подражания в академическом сообществе вуза (факультета) и получить статус официальных норм. В условиях реального образовательного процесса толчок к формированию образовательной нормы исходит обычно от руководителя факультета вуза или руководителя выпускающей кафедры. Результатом же стихийного образовательного нормирования становится продукт коллективного нормотворчества преподавателей-практиков. (Понятие «нормотворчество», отражающее процесс установления норм, имеет широкое общесоциологическое применение [14; 15]). Основное отличие стихийно возникающих образовательных норм от планомерно-сознательно создаваемых состоит в том, что они зачастую ориентированы на удовлетворение ближайших (актуальных лишь для настоящего времени) потребностей, в то время как целенаправленно формируемые образовательные нормы предполагают соответствие определенным перспективам технико-технологического развития профильной сферы производства [16]. В силу этого генезис образовательных норм, создаваемых планомерно-сознательно, с необходимостью включает теоретико-методологические основания образовательного нормирования, а также элементы научного прогнозирования направлений развития профильного производства, что отсутствует в механизме стихийного формирования образовательных норм. Генезис стихийно формируемых образовательных норм обусловлен эмпирическими условиями функционирующего в данный момент образовательного процесса и ограничивается рамками настоящей педагогической действительности. Планомерно-сознательный процесс образовательного нормирования предполагает наличие генезиса, который также основывается на эмпирии, но выходит за ее рамки, имея в качестве основы теоретико-методологическое педагогическое знание. Результатом планомерно-сознательного нормирования становится документально фиксированная образовательная норма, отражающая прогнозируемую перспективу развития общественных потребностей. Соответственно этому можно отметить, что для планомерного образовательного нормирования целесообразен диалектический подход. Данный подход способствует реализации в образовательном нормировании единства эмпирического и логического как гносеологического принципа.

Существенным признаком целенаправленного образовательного нормирования является плановость [17]. Решение о планомерном формировании образовательной нормы всегда преднамеренное, не возникающее произвольно, имеющее в своей основе конкретные общественные потребности. Однако и в планомерном процессе образовательного нормирования не может быть устранен полностью элемент стихийности. В силу этого разделение видов образовательного нормирования на планомерно-сознательное (организованное) и стихийное не может быть абсолютно точным. В реальной педагогической действительности в большинстве случаев наблюдается взаимопроникновение элементов стихийного и организованного в процесс образовательного нормирования. На этой основе формируется его третья разновидность: стихийно-организованное нормирование. При стихийном стремлении к упорядочению педагогической деятельности в переплетении случайностей образовательной среды может проявиться определенная тенденция, которая осознается как продуктивное средство в решении проблем удовлетворения определенных общественных потребностей. Затем в процессе организованного образовательного нормирования данное педагогическое средство в качестве элемента вводится в состав официально утверждаемой образовательной нормы. Таким образом, следует признать, что в реальной образовательной среде вуза, ориентированной на использование образовательных норм, с неизбежностью функционирует три вида образовательного нормирования: планомерно-сознательный, стихийный и стихийно-планомерный. Причем каждый из указанных видов нормирования обуславливает особенность генезиса формируемых на их основе образовательных норм.

Вопрос генезиса образовательной нормы непосредственно связан с рассмотрением ее жизненного цикла. Генезис входит структурным элементом в состав жизненного цикла образовательной нормы наряду с ее формированием, функционированием и воспроизводством. Формирование образовательной нормы состоит в создании ее идеального, абстрактного образа, представленного компетентностной моделью выпускника вуза по данному направлению (специальности). Функционирование образовательной нормы заключается в регулирующем, упорядочивающем воздействии на деятельность участников образовательного процесса. Воспроизводство образовательной нормы связано с формированием на основе обновления ее содержания с учетом актуального и потенциального изменения соответствующих потребностей профильной сферы производства. Данное представление о цикличности функционирования образовательной нормы дает возможность для выявления в этой цикличности места ее генезиса. Именно генезис можно выделить как начальную точку каждого витка спирали развития жизненного цикла образовательной нормы. Таким образом, структура жизненного цикла образовательной нормы в условно-линейном виде может быть представлена следующим образом: *генезис – формирование – функционирование – генезис (новые общественные потребности) – воспроизводство – функционирование (на новом нормативном уровне) – генезис* и т. д. Из структу-

ры представленного жизненного цикла образовательной нормы видна возможность преемственности процедуры нормирования. Следовательно, однажды созданная образовательная норма не исчезает бесследно, а видоизменяется с учетом генезиса своего витка спирали жизненного цикла. Это указывает на важность обеспечения актуального и достоверного выявления генезиса при каждом обновлении образовательной нормы. Именно анализ генезиса образовательных норм выявляет необходимое и случайное в процессе образовательного нормирования.

Логика эволюционно-генетического развития нормирования результата профессионального образования в форме компетенций выпускника вуза неоднозначна, как неоднозначна характеристика новизны феномена образовательной нормы. Новизна этого феномена может отрицаться в силу того, что на любом этапе развития профессионального образования как социального института нормирование результата его функционирования всегда было общественно-необходимым, неотъемлемым атрибутом. Новизна образовательного нормирования может быть признана в силу того, что совокупная образовательная норма представляется как системный проект результата профессионального образования технического профиля именно в компетентностном формате. Норма результата профессионального образования – это искусственно создаваемый объект, формируемый с необходимостью социальной нормы. Регулирующее воздействие образовательной нормы обусловливается представлением ею комплексности и системности результата образования. Кроме этого, на объективную необходимость возникновения в системе современного профессионального образования такого социально-образовательного феномена, как образовательное нормирование указывает справедливо отмеченный В. И. Байденко факт наращивания личностной направленности, личностно-смыслового потенциала образования [18].

Рассмотрение генезиса типов образовательного нормирования можно представить на основе последовательного выделения в истории развития профессионального образования следующих принципиально различных образовательных эпох. Необходимо заметить, что В. И. Байденко – автор данной классификации, указывает на возможность одновременного существования в течение одного исторического периода предшествующей и последующей образовательных эпох. Сохраняя названия образовательных эпох в соответствии с указанными В. И. Байденко [19], можно отметить, что в эпоху *неинституционального* образования нормирование его результата осуществлялось на основе традиций. В эпоху *дифференцированного прагматического* образования персонифицированные носители профессионализма выступили образцом нормы профессиональной подготовки. Формой нормирования результата *массового интегрирующего* профессионального образования являлись образовательные программы, учебные планы. В условиях складывающегося *лично-ориентированного* образования в качестве нормы образования используются государственные образовательные стандарты. Доказано, что переход от одной образовательной эпохи к другой характеризуется расширением потребностей личности обучающегося в своем развитии,

обеспечивающих успешность интегрированности ее в современное профессиональное сообщество [20]. Отсюда можно сделать вывод о том, что задачей современного профессионального образования является гармонизация личностно-свободного и социально-ответственного в удовлетворении образовательных потребностей обучающихся.

Научное представление о генезисе образовательного нормирования важно не только для расширения педагогического знания, но и для практической организации методической педагогической деятельности. Освоение методологии образовательного нормирования участниками внутривузовского нормотворчества способствует их неформальному, творческому, диалектическому отношению к разработке нормативных требований. Целостные представления о генезисе образовательного нормирования дают возможность увидеть за административно установленными нормативными требованиями возможные отношения, действия, поступки членов академического сообщества вуза, участвующих в образовательном процессе подготовки студентов по конкретному профессиональному направлению (специальности).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – 5-е изд. – М., 2002. – 416 с.
2. Краткий экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М. : Институт новой экономики, 2001. – 1088 с.
3. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 2-е изд. доп. и перераб. – М. : Институт новой экономики, 1997. – 864 с.
4. Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
5. Урванцев, Б. А. Порядок и нормы / Б. А. Урванцев. – М. : Издательство стандартов, 1991. – 240 с.
6. Философский словарь / глав. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
7. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. Энциклопедия, 1985. – 1600 с.
8. Плахов, В. Д. Социальные нормы: философские основания общей теории / В. Д. Плахов. – М. : Мысль, 1985. – 254 с.
9. Букалова, Г. В. Концептуальные основания нормирования результата профессионального образования технического профиля: монография / Г. В. Букалова. – Орел : ФБГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2014. – 419 с.
10. Урванцев, Б. А. Философско-социологические аспекты стандартизации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Б. А. Урванцев. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1984.
11. Лосев, А. Ф. Платон, Аристотель / А. Ф. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 1993. – 383 с.
12. Лаптев, В. В. Живой опыт философско-антропологической традиции / В. В. Лаптев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – № 10. – С. 7–10.
13. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / под ред. Г. В. Осипова, Л. Е. Москвичева. – М. : Норма, 2005. – 550 с.
14. Волков, Ю. Г. Социология / Ю. Г. Волков. – М. : Высшая школа; ИД «Феникс», 2009. – 576 с.
15. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1312 с.

16. Стандарты и руководство по обеспечению качества основных образовательных программ подготовки бакалавров, магистров и специалистов по приоритетным направлениям развития Национального исследования Томского университета / под. ред. А. И. Чучалина. – 3-е изд. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 204 с.

17. Байденко, В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие / В. И. Байденко. – М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.

18. Байденко, В. И. Модернизация профессионального образования: современный этап / В. И. Байденко, Дж. Ван Зантворт. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – 674 с.

19. Байденко, В. И. Образовательный стандарт. Опыт системного исследования : монография / В. И. Байденко. – Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. – 440 с.

20. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. – М. : Логос, 2009. – 336 с.

21. Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов, утвержденные Министром образования РФ Д. В. Ливановым от 22.01.2015 г. № ДЛ-02/05вн. – Режим доступа : URL: <http://fgosvo.ru/support/43/5/8/>.

УДК 378.662
ББК Ч481.22

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

ACTUAL DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF PEDAGOGICAL SKILL OF TEACHERS OF TECHNICAL UNIVERSITY

ВАСИЛЬЕВА Валентина Дмитриевна

Волгоградский государственный
технический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: vasilyevavd@yandex.ru

ПЕТРУНЕВА Раиса Маратовна

Волгоградский государственный
технический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: raissa@vstu.ru

VASILYEVA Valentina D.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia

E-mail: vasilyevavd@yandex.ru

PETRUNEVA Raisa M.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia

E-mail: raissa@vstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются направления совершенствования педагогического мастерства преподавателей в системе технического образования. Приводится примерный тематический план повышения квалификации в Школе педагогического мастерства преподавателей Волгоградского государственного технического университета.

Ключевые слова: технический вуз, повышение квалификации, психолого-педагогическая компетентность преподавателей.

Abstract. The article considers the ways of improvement of pedagogical skills of teachers in technical education. Lists the approximate thematic plan of professional development in the School of pedagogical skill of teachers of the Volgograd State Technical University.

Keywords: Technical university, professional development, psychological and pedagogical competence of teachers.

В настоящее время в системе высшего образования РФ произошли значительные изменения, которые предъявляют новые требования и к университетам в целом, и к научно-педагогическим работникам. На государственном уровне введены в действие документы, определяющие развитие вузов [1].

Ряд высоких обязательств по приоритетным направлениям своей деятельности университеты намереваются реализовать за счет развития своего основного ресурса – научно-педагогических работников. Профессорско-преподавательский состав вузов является ключевым элементом высшей школы, и от квалификации преподавателя, его педагогической компетентности, условий труда и жизни, человеческих и моральных качеств, общей культуры зависят и качество подготовки специалистов, и результативность экономической деятельности.

Согласно данным государственной статистики и мониторинга Министерства образования и науки РФ кадровая политика вузов основана на следующих позициях: преподаватель должен быть молодым; иметь ученую степень; быть эффективным исследователем; иметь опыт работы в ведущих университетах и преподавать на английском языке [2]. Получается, что преподаватели должны или адаптироваться к новым условиям или уходить, уступая место тем, кто моложе, кто имеет опыт работы в зарубежном университете и больше научных достижений?

Для обеспечения выполнения поставленных целей вузы, как правило, используют такие мотивационные поощрительные практики, как: поощрение сотрудника за публикацию в ведущих научных журналах, входящих в индексируемые базы; создание службы поддержки публикационной активности (техническое сопровождение и переписка с издательствами, ведение базы знаний по публикациям); повышение уровня владения профессорско-преподавательского состава английским языком; оказание преподавателям поддержки в написании статей и представлении докладов на английском языке; поощрение научной кооперации и соавторства с зарубежными коллегами; привлечение на работу в университет продуктивных исследователей; создание новых структур, в которые можно принять на работу эффективных исследователей и развивать перспективные направления исследований (создание центров и лабораторий мирового уровня, в том числе совместно с ведущими зарубежными и российскими научными центрами, лабораториями и высокотехнологичными организациями) [3]. Известно, что наиболее высокой научной квалификацией профессорско-преподавательского состава отличается высшая школа Москвы и Санкт-Петербурга – ведущих вузовских центров России. Доктора наук в вузах этих городов составляют порядка 16 % основного штатного персонала. При этом количество преподавателей в данных городах, имеющих ученую степень, составляет порядка 65–70 % [4].

В качестве других мотивационных стимулов выступают ежегодно ужесточающиеся конкурсные процедуры, которые приводят к переводу преподавателей на кратковременный договор, неполную ставку или объявлению неполного профессионального соответствия. Кроме этого возрастает учеб-

ная и учебно-методическая нагрузка преподавателей. В целях оптимизации временных затрат на организацию учебного процесса уменьшается количество времени, отводимое на проверку рефератов, проведение консультаций, формирование рейтинга студентов и т. п. Возрастание затрат времени преподавателей на учебно-методическую работу связано с созданием многочисленных документов, методически обеспечивающих образовательные процессы в вузе (программы дисциплин, учебно-методические комплексы, другие учебные материалы и разработки) в соответствии с переходом российских вузов на ФГОСЗ+. Наиболее трудоемкой является разработка учебно-методических материалов по организации самостоятельной работы студентов и их размещение в форме электронных образовательных ресурсов в открытом доступе. В итоге, как известно, начиная с 2011 учебного года, численность преподавательского состава в государственных и муниципальных учреждениях уменьшилась и будет продолжать уменьшаться по отношению к числу студентов: 10,7 на одного преподавателя в 2015 году и 12 – в 2018 году.

Каким же в целом должен быть преподаватель, чтобы соответствовать духу времени? На взгляд авторов, при продлении контракта с преподавателем наряду с результатами научной деятельности следует учитывать и его личностные характеристики и психолого-педагогическую компетентность, поскольку от личности преподавателя, его профессиональной педагогической компетентности напрямую зависит качество подготовки выпускников вуза. Так, результаты анкетного опроса студентов 1–4 курсов ВолгГТУ показали, что, отмечая положительные качества преподавателей, студенты на первое место ставят личностные качества (высокий культурный уровень, моральные качества, равнодушие, доброжелательность, справедливость, дисциплинированность, коммуникабельность, чувство юмора), на второе место – характеристики, относящиеся к педагогическому мастерству (доступно излагать учебный материал, увлечь предметом, владеть ораторским мастерством, быть современными, использовать компьютерные методы, информационные технологии), на третье место (!) – профессиональные характеристики (знание своего предмета, ум, актуализация материала, креативность, новаторство). Современный преподаватель должен представлять перед студентами в первую очередь как личность, а не только как специалист, владеющий необходимыми знаниями. Своим отношением к содержанию преподаваемого материала, методикой преподавания, требовательностью, стилем общения со студентами преподаватель закладывает не только образовательный фундамент будущих специалистов, но и их отношение к профессиональной деятельности. Студенты видят в преподавателе наставника, ждут от него эмоциональной поддержки, понимания, помощи. Если с первого дня обучения в вузе не поддерживать энтузиазм студентов, их изначальный интерес к преподаваемым дисциплинам в контексте будущей профессиональной деятельности, то не следует удивляться резкому снижению у них учебной мотивации в дальнейшем.

Весьма важным является совершенствование педагогического мастерства преподавателей технического вуза. Начинающие преподаватели, получив-

шие в вузе техническую специальность, как правило, не имеют психолого-педагогической подготовки, позволяющей им заниматься этой новой для них деятельностью. Молодые преподаватели овладевают азами профессии по образцу и подобию своих старших коллег. Этот путь позволяет в определенной степени освоить классический опыт, но вряд ли поможет им использовать инновационные подходы и методы профессионально-педагогической деятельности, которые становятся все более значимыми в контексте новых требований и необходимости интегрироваться в мировое образовательное пространство. Разработка и использование таких технологий требует глубоких знаний в области психологии, педагогики, информатики и других наук. Реально существует проблема неподготовленности вузовских преподавателей (в том числе технических вузов) в области современных образовательных технологий.

Сейчас в России, как и во многих странах, отмечается старение преподавателей и исследователей. Возрастная структура профессорско-преподавательского состава государственных вузов такова, что 51 % сотрудников вуза составляют лица 40–60 лет, 13 % – 60–65 лет. Доля преподавателей в возрасте до 30 лет во многих регионах соответствует доле преподавателей возраста 60–65 лет. По прогнозам российских исследователей, при сохранении существующей тенденции старения кадров средний возраст преподавателя вуза в ближайшие годы будет повышаться. Эта негативная тенденция, ведущая к разрыву связей поколений в высшей школе, обуславливает трудности передачи опыта и знаний, не способствует реализации преемственности, столь важной в данной сфере [5].

Вместе с тем справедливо будет отметить, что проблема старения профессорско-преподавательского состава не является только российской проблемой. По данным Высшей школы экономики, более 40 % преподавателей в Германии, Португалии и США старше 50 лет, в то время как в Норвегии и Франции таких от 25 до 33 %. С другой стороны, в Китае, Индии и в ЮАР достаточно велики когорты преподавателей в возрасте 30–40 лет. В Бразилии в последние годы также увеличилась доля молодых преподавателей [6].

Сложность и многогранность труда преподавателей (методическая, научно-исследовательская, воспитательная работа) объясняет потерю кадров и сложности с набором молодых сотрудников, что резко повышает средний возраст профессорско-преподавательского состава и ведет к общему понижению интеллектуального уровня в системе образования. В вузе необходимо создать систему формирования психолого-педагогической компетентности преподавателей, которая позволит молодым и не очень молодым преподавателям обрести психолого-педагогическую культуру. Развитие психолого-педагогической культуры преподавателя высшей школы реализуется посредством принципов преемственности, многоуровневости, систематичности, последовательности и постепенности, практической направленности, индивидуального и дифференцированного подхода. В частности, под поэтапностью формирования подразумевается, что вначале осваивается педагогическая техника как совокупность средств и приемов, с помощью кото-

рых достигается требуемый учебно-воспитательный эффект, затем формируется психолого-педагогическое мастерство как владение различными технологиями дидактического и воспитательного воздействия, и уже на базе двух вышеназванных понятий складывается психолого-педагогическая культура как совершенное владение всем комплексом (совокупностью) психолого-педагогических знаний, навыков, умений и компетенций, соединенных с профессиональной уверенностью, интуицией и волей [7].

Содержание и сущность основных психолого-педагогических умений преподавателя высшей школы.

1. *Конструктивные* умения предусматривают: отбор целесообразных форм и видов деятельности; отбор действенных методов и средств воспитательного воздействия; планирование перспективных этапов в руководстве студенческим коллективом; осуществление индивидуально ориентированного подхода к воспитанникам.

2. *Коммуникативные* умения призваны обеспечить целесообразность отношений с субъектами учебно-воспитательного процесса, в частности: устанавливать педагогически мотивированные контакты со студентами, первичными коллективами, родителями студентов, своими коллегами; регулировать межличностные отношения студентов, отношения первичных коллективов с другими.

3. *Организаторские* умения делают возможным решение определенных педагогических задач: организовывать и управлять студенческими коллективами, создавать оптимальные условия для их развития; обеспечивать педагогически эффективную деятельность студенческих коллективов; оказывать помощь студенческим общественным организациям; организовать воспитательную работу со студентами во внеучебное время.

4. *Дидактические* умения проявляются в том, чтобы: объяснять студентам учебный материал на доступном для них уровне восприятия; управлять самостоятельной познавательной деятельностью студентов, способствовать развитию их познавательных интересов, интеллектуальных возможностей, формировать действенные мотивы учебной работы; обучать студентов овладению эффективными и рациональными методами самостоятельной познавательной деятельности.

5. *Перцептивные* умения охватывают: способность проникать во внутренний мир студентов; понимать их психическое состояние; наблюдательность, что дает возможность понимать реальное психическое состояние студента в конкретной ситуации.

6. *Суггестивные* умения представляют непосредственное эмоционально-волевое воздействие педагога на воспитанников с целью создания у них определенного психического состояния, побуждение их к конкретным действиям.

7. *Познавательные* умения включают: выявление индивидуальных особенностей физического, психического и социального развития студентов; овладение новой научной информацией, рациональное использование ее в научно-педагогической работе; освоение лучшего педагогического опы-

та и его творческое использование в собственной преподавательской деятельности.

8. *Прикладные умения* основываются: на владении техническими средствами обучения, в том числе компьютерной техникой.

9. *Умение в области психотехники* предусматривает сознательное и целое использование достижений психологии в сфере обучения, воспитания и развития студентов [8].

Достаточная сформированность у педагога названных умений является необходимым условием решения различных педагогических задач на уровне мастерства.

В продолжение животрепещущей темы совершенствования психолого-педагогического мастерства преподавателей технического вуза [9] ниже проанализированы основные его направления, детерминированные развитием образования в мире, реформированием системы высшего отечественного образования и связанные с преодолением трудностей, в настоящее время имеющих место в преподавательской деятельности.

1) Необходимо вооружение преподавателей технического вуза знаниями педагогической психологии, которая знакомит с психологическими закономерностями овладения студентами знаний, исследует индивидуальные различия в этих процессах, определяет условия, при которых достигается эффективное умственное развитие студентов в процессе обучения.

Исследования в области педагогической психологии показывают, что значительная часть педагогических трудностей обусловлена деформацией сферы профессионально-педагогического общения. Важны коммуникативная культура преподавателя; знакомство преподавателей со средствами и стилями педагогического общения и прохождение психологического тренинга формирования навыков эффективной коммуникации со студентами.

Профессия педагога наиболее чувствительна к психологии, поскольку деятельность педагога непосредственно направлена на человека, на его развитие. Педагог в своей деятельности встречает живую психологию, сопротивление индивида педагогическим воздействиям, значение индивидуальных особенностей человека и т. п. Поэтому хороший, заинтересованный в эффективности своей работы преподаватель поневоле обязан быть психологом, потому что психологические знания обслуживают педагогическую деятельность.

2) Дидактическая составляющая преподавательской деятельности требует знаний, управляющих обучением как основным образовательным процессом в системе высшего образования. Как наука дидактика стремится ответить на следующие вопросы: «Для чего учить?», «Чему учить?», «Как учить?», «Как организовать обучение?», «С помощью чего осуществлять обучение?», «Что достигается в результате обучения?», «Как оценить и контролировать результаты обучения?», «Какие подходы, стратегии обучения наиболее эффективны?». Именно дидактика закладывает научную основу проектирования и реализации разнообразных технологий обучения. Происходит знакомство преподавателей с современными тенденциями

в перестройке содержания, форм и методов обучения, с теорией диагностики результатов обучения и мотивацией учебной деятельности студентов.

3) Особое внимание следует уделить подготовке преподавателей к широкому использованию в учебном процессе, согласно ФГОС ВО, активных и интерактивных форм проведения занятий (например, компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных практических ситуаций, психологические и иные тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой. Выяснилось, что активные методы обучения используют в своей практике 30 % преподавателей, причем в основном со стажем до 10 лет.

Обучение преподавателей предполагает их активное включение в моделируемые ситуации интерактивного обучения студентов для формирования собственного опыта преподавателя – проживания различных ситуаций реального педагогического взаимодействия. Использование в работе с преподавателями форм и методов интерактивного обучения не только является иллюстрацией их методического воплощения.

4) В последние годы чрезвычайно актуализированы компетенции преподавателей, связанные с информатизацией образования, широким распространением Интернета и активным использованием студентами ноутбуков, планшетов, смартфонов, айфонов. У многих преподавателей данные компетенции слабо сформированы в силу того, что долгие годы они работали в устойчивой консервативной среде. Незрелость информационных компьютерных технологий обучения преподавателей, среди которых, особенно возрастных преподавателей, наблюдается недостаточный уровень владения новыми образовательными технологиями. Сейчас рукописное конспектирование лекций часто заменяется компьютерными заметками, фотографированием и видеосъемкой лекций. С этим сталкиваются все преподаватели высшей школы, что требует существенного изменения педагогических подходов и разумного сочетания живого общения с педагогом и электронного обучения.

Важно не столько умение преподавателей ретранслировать знания, сколько умение управлять учебной деятельностью студентов, ориентировать их в информационном потоке, помогать подбирать учебные ресурсы, формировать навыки самообучения, командной работы, выполнения творческих проектов, подготовки презентаций, решения профессиональных кейсов, создания портфолио и т. п. Преподаватели должны быть компетентны в этих вопросах. От них требуется: уверенное владение технологией подготовки и проведения интерактивных презентаций, виртуальных экскурсий, имитационного лабораторного практикума, компьютерного тренинга, вебинара, видеоконференции; умение разрабатывать электронные учебные пособия, дополненные мультимедийными элементами; составлять наборы кейсов, тестовые задания; использовать компьютерные инструменты мониторинга учебной деятельности студентов, средства коммуникации преподавателя со студентами; кроме того, они должны быть готовы к созданию конкурентоспособных онлайн-курсов.

В связи с развитием электронных носителей информации и с учетом склонности молодежи к работе с электронными ресурсами важно исполь-

зование в учебном процессе литературы по большинству специальностей на электронных носителях или обеспечение информацией посредством сетевых технологий. Остается актуальной проблема полного обеспечения студентов учебной литературой в электронной библиотеке, с внедрения которой начиналась информатизация образования в вузе. Недостающая информация, черпаемая в Интернете, не фильтруется, не обрабатывается дидактически, а знания и умения студента зачастую не позволяют отделить качественную информацию от различного рода мусора. Допустимо сочетание точечного использования интернет-ресурсов и постоянного использования электронных изданий в библиотеке университета с учетом интеграции в учебные и научно-образовательные процессы вуза. Здесь требуется консультация преподавателя, ориентирующего студентов в информационном потоке.

Овладение преподавателями универсальными и революционными методами электронного обучения не помешает убеждению в том, что электронные технологии являются лишь прикладным инструментом для решения образовательных задач, что общение с преподавателем исключить невозможно и, следовательно, нужно соблюдать разумный баланс между электронным и традиционным обучением. Каждый преподаватель должен самостоятельно решать, в каком объеме использовать технологии, соблюдать при этом равновесие между традиционным аудиторным обучением и прогрессивными технологиями для улучшения качества преподавания.

5) Требуется активная вовлеченность преподавателей вуза в подготовку документов, связанных с методическим и организационным обеспечением образовательного процесса (рабочие программы дисциплин, учебно-методические комплексы и т. п.) в соответствии с переходом российских вузов на ФГОСЗ+, и самостоятельное размещение их на сайте вуза. Речь идет не о разработке основных образовательных программ, учебных планов, которыми занимаются деканы и его помощники всех факультетов. Наиболее трудоемкой является разработка учебно-методических материалов по организации самостоятельной работы студентов. В практике дистанционного обучения на сайтах образовательных учреждений преимущественно размещаются материалы, разработанные преподавателями для программ очного или заочного обучения. Для предотвращения возникновения у сотрудников психологических барьеров, негативных психологических переживаний, связанных с большими трудозатратами в сжатые сроки выполнить данную работу, требуется достаточная разъяснительная работа, обоснование необходимости вводимых изменений и надлежащее мотивирование людей.

Несмотря на существование в образовательной системе и демотивирующих факторов, бесплатность и доступность эффективного обучения преподавателей в системе повышения квалификации обеспечивает возможность постоянного профессионального развития преподавательского состава вузов. В этих условиях создание и активное развитие в каждом вузе корпоративной системы повышения квалификации преподавателей может решить основные проблемы их подготовки и переподготовки.

Примером организации вузовской системы повышения квалификации преподавателей может послужить Школа педагогического мастерства преподавателей ВолгГТУ. Новый этап ее развития обусловлен современной реформой высшего образования, новыми требованиями к компетенциям преподавателей вуза, необходимостью использования в процессе повышения квалификации новаций мировой педагогической практики.

В таблице представлен примерный тематический план повышения квалификации по программе Школы педагогического мастерства преподавателей ВолгГТУ.

Примерный тематический план повышения квалификации преподавателей вуза

Наименование темы	Количество часов
1. Психология преподавательской деятельности. Основные компетенции преподавателя вуза. Психологические особенности студенческого возраста. Психология познавательных процессов. Психолого-педагогические аспекты индивидуальной воспитательной работы со студентами. Эмоциональная саморегуляция. Профилактика эмоционального выгорания преподавателя (тренинг)	16
2. Дидактика высшей школы. Методы обучения. Современные тенденции в перестройке целей, содержания, методов обучения, образовательных технологий в техническом вузе. Диагностика результатов обучения. Теория и методика разработки педагогических тестов. Психолого-педагогические проблемы подготовки студентов. Стимулирование образовательной деятельности	16
3. Информационные технологии в педагогической деятельности. Требования к информационной подготовке преподавателя технического вуза. Информационное пространство учебного предмета. Информационные технологии свободной ориентации, оценки качества, накопления, хранения и обработки предметной информации. Плагиат в выполнении студентами учебных работ. Электронные информационные ресурсы современной НТБ. Информационные технологии в преподавании. Особенности занятий лекционного типа (вебинар, видеолекция, лекция с использованием мультимедийного оборудования), занятий семинарского типа (онлайн-игры, компьютерные модели, электронный лабораторный практикум), самостоятельной работы студентов (электронные учебники/пособия), текущего контроля и промежуточной аттестации (компьютерные тестирующие системы), обратной связи с преподавателем (онлайн-связь (скайп, вебинар, телефонный разговор) и офлайн связь (письмо по E-mail, общение в форуме, в социальных сетях). Особенности мультимедийной лекции, ее место в лекционном курсе. Отбор материала и проектирование лекции	16
4. Активные и интерактивные методы обучения. Новые требования ФГОС ВО к проведению практических (семинарских) занятий при подготовке бакалавров и магистров. Обзор активных и интерактивных методов проведения занятий. Тренинги проведения занятий в активной/интерактивной форме	16
5. Искусство коммуникации. Овладение способами и средствами эффективной коммуникации преподавателей и студентов при проведении различных видов учебных занятий и внеучебной работы (тренинг). Конфликтологическая компетентность. Психологический тренинг формирования навыков эффективной коммуникации при проведении различных видов учебных занятий	16

Окончание таблицы

Наименование темы	Количество часов
6. Культура речи преподавателя. Федеральная целевая программа «Русский язык». Внутренние и внешние заимствования. Грамматические нормы и деловая речь. Современные средства обмена информацией. Языковые особенности научного стиля.	16
7. Организация учебно-методической работы преподавателя и оценка эффективности его работы. Современные требования к методическому обеспечению процесса обучения в контексте ФГОС 3+. Оценка эффективности работы преподавателей. Технология подготовки, издания учебно-методических материалов на электронных носителях	16

Тематика модулей программы повышения квалификации актуальна для профессорско-преподавательского состава российских вузов. Содержание модулей направлено на формирование у слушателей способности к критической оценке собственной педагогической деятельности с точки зрения эффективности ее планирования, достижения и оценки результатов обучения. Таким образом, Школа педагогического мастерства преподавателей ориентирует преподавателей на дальнейшее повышение своего педагогического мастерства и распространение эффективных практик в профессиональной среде. Это реальная помощь коллегам-преподавателям, направленная на повышение профессионально-педагогического потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р.
2. Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования. – Режим доступа : URL: <http://indicators.miccedu.ru/indicators/>
3. Назарова, И. Б. Вызовы для российских университетов и преподавателей / И. Б. Назарова // Высшее образование в России. – 2015. – № 8–9. – С. 61–67.
4. Лешина, М. А. К вопросу актуальности стимулирования преподавателей российской высшей школы / М. А. Лешина. – Режим доступа : URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1792http://www.top-ersonal.ru/>
5. Ширшина, Г. И. Профессионально-психологические проблемы преподавателей вуза (на примере преподавателей возраста 40–60 лет) / Г. И. Ширшина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2006. – № 20. – Режим доступа : URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/>
6. Денисова, М. Средний возраст университетских преподавателей увеличивается / М. Денисова. – Режим доступа : URL: <http://opes.ru/1738926.html>
7. Семикин, В. В. Психологическая и педагогическая культура преподавателя высшей школы: конвергенция понятий и путей развития / В. В. Семикин, С. Б. Пашкин. – Режим доступа : URL: http://www.herzen.spb.ru/img/files/tanpav/psr/Doclad_Pashkin
8. Сущность, составляющие и содержание педагогической культуры преподавателя вуза. – Режим доступа : URL: <http://banauka.ru/311.html>
9. Васильева, В. Д. Новые задачи преподавателей технического вуза / В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 9 (172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 23). – С. 81–84.

УДК 37.013
ББК 74.05

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ РЯДОВ ПРИ ДИАГНОСТИКЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE SERIES IN THE DIAGNOSIS OF STUDENTS' INFORMATION COMPETENCE

ШТЫРОВ Андрей Вячеславович
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: an.shtyrov@gmail.com

КАЗАНОВА Наталия Витальевна
Волгоградский государственный
технический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: nvk-work@yandex.ru

SHTYROV Andrey V.
Volgograd State Socio-pedagogical
University, Volgograd, Russia

E-mail: an.shtyrov@gmail.com

KAZANOVA Natali V.
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia

E-mail: nvk-work@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается методика и результаты опросов, проводившихся со студентами первого курса факультета историко-правового образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета в 2015 и 2016 гг. Целью опросов было выяснение структуры и направленности информационной компетентности студентов. Авторы провели анализ ассоциативных рядов на слова-стимулы «Информатика», «Компьютер», «Интернет». Кроме установления частоты встречаемости ассоциаций в массиве ответов также применили разработанный авторами метод вычисления коэффициента значимости ассоциации. В результате исследования был сделан вывод об эффективности авторами метода. Результаты исследования позволяют утверждать, что первичное состояние информационной компетентности студентов можно охарактеризовать как стихийное, носящее в основном рекреационно-социальный характер, не имеющее профессиональной направленности.

Ключевые слова Информационная компетентность, студенты, историко-педагогическое образование, опрос, ассоциативный эксперимент, ассоциативный ряд, коэффициент значимости.

Abstract. The paper describes the methods and results of surveys conducted with first-year students of the Faculty of History and Legal Education Volgograd State Pedagogical University in 2015 and 2016. The aim of the polls was to determine the structure and orientation of information competence of students. We have analyzed the associative series on the word-stimulus «Computer», «Computer», and «Internet». In addition to the establishment of frequency of associations' occurrence in the array of responses, we also applied our method of calculating the indicators of significance of the associations. The study was concluded that the method is effective. The study results suggest that the initial state of the information competence of students can be described as spontaneous, bearing mainly recreational and social nature, not having a professional orientation.

Keywords: Information competence, students, historical and pedagogical education, survey, associative experiment, associative series, indicator of the significance.

В настоящее время для изучения образов языкового сознания индивида [1, с. 1158], что, в свою очередь, дает возможность выявить «системность языкового сознания носителей той или культуры как целого» [5, с. 103], широко применяется ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент основывается на составлении ассоциативных рядов, которые, согласно А. Н. Леонтьеву, представляют собой «...последовательность отдельных речевых реакций (слов) испытуемого на предложенное ему раздражение...». При направленном ассоциативном эксперименте таковым раздражением, или стимулом служит «слово, произносимое экспериментатором» [2, с. 53].

Авторы предположили, что, используя в качестве стимулов слова, имеющее отношение к информационным технологиям, можно с помощью направленного ассоциативного эксперимента выявить степень осведомленности и предпочтения студентов в этой сфере. Полученные сведения планируется использовать в дальнейшей работе в рамках исследования [7], и эти данные будут полезны для формирования содержательной части учебных программ таких курсов, как «Информационные и коммуникационные технологии в образовании», «Информационные и коммуникационные технологии в культурно-просветительской деятельности» и ряда других, связанных с изучением современных информационно-коммуникационных технологий, с целью повышения эффективности этих курсов в формировании профессиональных компетенций студентов.

В 2015–2016 гг. в ходе входного диагностического опроса студентов, поступивших на первый курс факультета истории и права (с сентября 2016 г. историко-правового образования) ВГСПУ, был проведен ассоциативный эксперимент, цель которого – уточнение структуры и направленности базовой информационной компетентности студентов. Было выбрано три слова-стимула: «Информатика», «Компьютер», «Интернет», для которых нужно подобрать не более 5 ассоциаций к каждому из них. Всего было опрошено 44 человека в 2015 г. и 80 человек в 2016 г.

Первичное рассмотрение ассоциативных рядов заключалось в традиционном для подобных экспериментов установлении частоты возникновения различных ассоциаций среди опрошенных, выраженной в виде отношения количества возникновений данной ассоциации к числу опрошенных. Некоторые ассоциации, выраженные разными словами, но по сути являющиеся однотипными, были сведены в кластеры. Например, ассоциации «Урок», «Учебник», «Учитель» составили школьный кластер и т. п.

Для более точного анализа ассоциативных рядов в эксперименте учитывались не только частота возникновения у опрашиваемых тех или иных ассоциаций, но и их значимость, которая определялась по месту в ассоциативном ряду каждого опрошенного. Предположив, что первыми у опрашиваемых возникают наиболее явные ассоциации, которые и являются для них наиболее значимыми, был введен для каждой ассоциации коэффициент значимости S , учитывающий как частоту ее возникновения, так и место, которое она занимала в ассоциативных рядах каждого опрошенного. Для этого позициям ассоциативного ряда присвоены номера i от 5 до 1 в порядке убывания (то есть ассоциации, возникшей у опрашиваемого первой, присваивался номер 5, второй – 4 и т. д.). Коэффициент S рассчитывался по формуле $S = \frac{\sum_{i=1}^{i=5} x_i - i}{N}$, где x – количество одинаковых или однотипных ассоциаций, i – номер позиции данной ассоциации в ряду от 1 до 5, N – число опрошенных. Было сделано предположение, что введение коэффициента значимости позволит уточнить результаты, полученные на этапе частотного анализа ассоциативных рядов.

Изучение частотности некоторых ассоциаций к стимулам «Информатика», «Компьютер», «Интернет», возникших у опрошенных студентов в 2015 и 2016 гг., показало следующее.

Термин «Информатика» как в 2015, так и в 2016 гг. у большинства опрошенных ассоциировался с понятием «Компьютер». В 2015 г. такая ассоциация возникла у 70,5 % опрошенных, а в 2016 г. – у 55,0 %. При этом обратная ассоциация «Компьютер» – «Информатика» в 2015 г. возникла лишь у двоих студентов (4,6 % от общего числа опрошенных), а в 2016 г. – у четверых (5,0 % от общего числа опрошенных). На втором месте в 2015 г. оказалось понятие «Информация» («Данные»), его назвали 43,2 % опрошенных. В 2016 г. эта ассоциация возникла у 27,5 % опрошенных (третье место по частоте). Третье место по частоте ассоциаций с понятием «Информатика» в 2015 г. заняло понятие «Интернет» (31,8 % опрошенных). В 2016 г. эта ассоциация возникла лишь у 16,3 % опрошенных и заняла шестое место по частоте. Понятие «Программы» ассоциировалось с понятием «Информатика» в 2015 г. у 15,9 % опрошенных, а в 2016 г. – у 11,3 %. Понятийный кластер «Программирование, Программист» возник как ассоциация на понятие «Информатика» у 9,1 % опрошенных в 2015 г., а в 2016 г. – у 31,3 %, выйдя на второе место по частоте. Школьные ассоциации («Урок», «Кабинет (школьный)», «Учение», «Учитель», «Злой учитель», «Информатик», «Задание», «Решение») в 2015 г. возникли у 20,5 % опрошенных, а в 2016 г. – у 23,8 %. Довольно часто у опрошенных возникали ассоциации с понятиями «Техника, Технологии» (18,2 % в 2015 г. и 17,5 % в 2016 г.); «Алгоритм, Код» (13,6 % в 2015 г. и 13,8 % в 2016 г.); «Наука» (11,4 % в 2015 г. и 8,8 % в 2016 г.); «Вычисления, Расчеты, Числа, Цифры» (11,4 % в 2015 г. и 13,8 % в 2016 г.); «Знания, Умения, Навыки» (13,7 % в 2015 г. и 16,3 % в 2016 г.). В 2016 г. были выявлены ассоциации, носящие выраженную как положительную, так и (чаще) отрицательную эмоциональную окраску. Положительные эмоции («Доступно», «Понятно», «Интересно») возникли у троих опрошенных (3,8 %), отрицательные («40 минут скуки», «Непонятно», «Сложно», «Кошмар») – у шестерых (7,5 %). В опросе 2015 г. эмоциональную окраску носила лишь одна ассоциация – «Злой учитель».

Составляя ассоциативный ряд к слову «Компьютер», опрошенные чаще всего вспоминали различные периферийные устройства: в 2015 г. их назвали 77,3 %, а в 2016 г. – 50,0 %. Чаще всего называли монитор (13,6 % в 2015 г. и 10,0 % в 2016 г.), клавиатуру (13,6 % в 2015 г. и 10,0 % в 2016 г.), мышь (6,8 % в 2015 г. и 11,25 % в 2016 г.), то есть те части компьютера, с которыми человек непосредственно взаимодействует в процессе работы (пользовательский интерфейс), а также процессор, которому уделяется значительное внимание на уроках информатики (13,6 % в 2015 г. и 8,8 % в 2016 г.). Упоминались также устройства памяти, видеокарта, колонки, системный блок и т. п. Вторая по частоте ассоциация с понятием «Компьютер» – «Интернет» (59,1 % опрошенных в 2015 г. и 38,8 % в 2016 г.). Ассоциации, явно связанные со шко-

лой («Учеба», «Учение», «Хороший помощник в учебе») в 2015 г. возникли у 20,45 % опрошенных, а в 2016 г. – лишь у 2,5 %. С понятийным рядом «Игры, Отдых, Досуг, Развлечения» понятие «Компьютер» ассоциировалось у 20,5 % опрошенных в 2015 г. и у 25,0 % опрошенных в 2016 году. Ассоциации, связанные с общением («Социальные сети», «ВКонтакте», «Общение», «Коммуникабельность») в 2015 г. возникли у 11,4 % опрошенных, а в 2016 г. – у 26,3 %. Довольно интересными оказались некоторые единичные ответы, показывающие отношение студентов к компьютеру. Среди них, помимо уже упомянутого «Хорошего помощника в учебе», встречались такие определения, как «Информационная машина», «Прибор для использования программ и чтения информации», «Устройство для каждодневных операций», «Универсальное устройство для поиска необходимой информации», «Машина для облегчения жизни людей» и даже «Машина, созданная с целью узнавать новое в Интернете». У некоторых студентов возникали ассоциации, связанные с познавательной деятельностью («Новое знание», «Познание мира», «Изучение разного рода научной информации»), ассоциации с понятиями «Будущее», «Прогресс». В то же время встречались и ассоциации, несущие негативную или пренебрежительную эмоциональную окраску. Так, в 2015 г. двое опрошенных охарактеризовали «Компьютер» как «Ящик», один воспринимает его как «Запчасти», и еще один – как «Трату электричества». В 2016 г. «Компьютер» один раз ассоциировался с «Деградацией», и один раз с «Потерей времени».

Понятие «Интернет» в 2015 г. в 45,5 % случаев вызывало у опрошенных ассоциацию с понятием «Информация». Практически равную частоту встречаемости показал ассоциативный кластер, связанный с социальным взаимодействием: «Друзья, Знакомства, Общение, Привязанность» (43,2 %). Но если учесть также ассоциации с понятиями «Социальные сети» (27,3 %) и отдельно «ВКонтакте» (9,1 %), то представление об Интернете как о среде социального взаимодействия явно выходит на первое место, набирая в сумме 79,6 % упоминаний. В 2016 г. понятие «Интернет» ассоциировалось с понятием «Информация» у 42,5 % опрошенных. Понятийный кластер «Друзья, Знакомства, Общение, Привязанность» вызвал ассоциации с понятием «Интернет» в 50,0 % случаев, а в сумме с понятиями «Социальные сети» (36,3 %) и «ВКонтакте» (2,5 %) – 88,8 %. Ассоциации понятия «Интернет» с понятиями «Игры, Отдых, Досуг, Развлечения» возникли в 2015 г. у 18,2 % опрошенных, а в 2016 г. – у 13,75 %. Кроме того, в 2016 г. 10,0 % опрошенных вспомнили понятия «Музыка, Видео, Фильмы, Сериалы», так что общая доля рекреационных ассоциаций составила в этом году 23,75 %. В 2015 г. у 18,2 % опрошенных понятие «Интернет» вызвало ассоциацию с понятием «Знания», в 2016 г. это понятие ассоциировалось с понятием «Интернет» только у 5,0 %. Понятия «Поиск, Поиск информации» вызвали ассоциации с понятием «Интернет» у 11,4 % опрошенных в 2015 г. и у 12,5 %

опрошенных в 2016 г. Для 9,1 % опрошенных в 2015 г. и 6,3 % опрошенных в 2016 г. «Интернет» ассоциируется с «Википедией». В отличие от понятий «Информатика» и «Компьютер», понятие «Интернет» практически не вызвало у опрошенных в 2015 г. явных школьных ассоциаций: только один человек вспомнил «Уроки». В 2016 г. ассоциации с образованием возникли у пятерых опрошенных (6,3 %), но, скорее, не со школой, а с самообразованием: «Учеба, Видеоуроки, Курсы, Информация для учебы». Лишь у одного студента (опрос 2015 г.) «Интернет» ассоциируется со «Свободой». Еще один студент (тоже в 2015 г.) назвал «Исторические факты». В 2016 г. для пятерых опрошенных (6,3 %) «Интернет» обозначал «Работу, Заработок».

Введение коэффициента значимости S , как и предполагалось, в ряде случаев позволило уточнить картину, полученную на этапе частотного анализа ассоциативных рядов. Так, в опросе 2015 г. в ассоциативном ряду к понятию «Компьютер» понятие «Интернет» (частота 59,1 %) получило коэффициент значимости $S_{com}=2,750$ и опередило по этому показателю набор ассоциаций, связанный с аппаратным обеспечением компьютера (частота 77,3 %, $S_{com}=2,455$). На практике это означает, что слово «Интернет», хотя в общей массе ответов встречалось реже, чем названия периферийных устройств компьютера, чаще занимало в ассоциативных рядах опрошенных более приоритетные позиции (проще говоря, раньше приходило им в голову). Также становится видна разница приоритетов между школьными ассоциациями и понятиями «Игры, Отдых, Развлечения». Возникая у опрошенных в 2015 г. с одинаковой частотой 20,45 %, они имеют различный коэффициент значимости. Для понятий, связанных со школой, $S_{com}=0,523$, а для понятий, связанных с отдыхом и развлечениями, $S_{com}=0,795$. Следовательно, можно предположить, что для большинства вчерашних школьников компьютер – прежде всего средство проведения досуга, и лишь затем инструмент для учебных занятий.

Применение коэффициента значимости S_{net} при анализе ассоциативного ряда к понятию «Интернет» также внесло некоторые коррективы в первоначальную картину. Например, в опросе 2015 г. «Википедия» с частотой встречаемости 9,1 % имеет $S_{net}=0,455$, что позволило ей опередить по этому показателю не только «ВКонтакте» (9,1 %, $S_{net}=0,364$), но и «Поиск, Поиск информации» (11,4 %, $S_{net}=0,409$). Понятие «Знания» (частота 18,2 %) с коэффициентом значимости $S_{net}=0,886$ опередило набор ассоциаций «Игры, Отдых, Развлечения», которые при той же суммарной частоте получили коэффициент $S_{net}=0,705$. Следовательно, можно предположить, что опрошенные воспринимают Интернет прежде всего как информационный и социальный ресурс, а потом уже средство игрового отдыха. Досуг в Интернете студенты предпочитают заполнять общением с друзьями и знакомыми: ряд «Друзья, Знакомства, Общение, Привязанность» получил $S_{net}=1,659$.

В целом на основе собранных и проанализированных данных можно сделать следующие выводы. Приходя в вуз, студенты достаточно хорошо владеют определенным набором информационных технологий – прежде всего технологиями, обеспечивающими общение и проведение досуга; они проявляют высокую социальную активность в виртуальном мире, следуют в русле модных тенденций и живо интересуются вопросами, имеющими отношение к этим тенденциям; в большинстве своем способны активно воспринимать новую информацию, осмысливать ее и применять на практике, если обладают достаточной мотивацией к этому. В последнее время вопрос «компьютерного ликбеза» для первокурсников, остро стоявший в начале 2000-х годов, практически утратил актуальность. На первый план выдвигаются другие проблемы, препятствующие эффективному формированию профессиональной информационной компетентности преподавателя. Состоят эти проблемы прежде всего в том, что базовый уровень готовности студентов к использованию информационных технологий в качестве рабочего инструмента в профессиональной деятельности изначально довольно низок, а мотивация такого использования слаба или отсутствует. Это ясно видно по приведенным выше результатам входных диагностических опросов студентов и дополнительно подтверждается ходом дальнейшей работы: собеседованиями, выполнением текущих практических заданий, промежуточными опросами и тестированиями.

Кроме того, можно сделать вывод об эффективности и целесообразности использования при анализе данных ассоциативного эксперимента, кроме установления частоты встречаемости ассоциаций, такого дополнительного параметра, как коэффициент значимости ассоциации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выговская, Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике / Д. Г. Выговская // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конф. – Челябинск, ЮУрГУ, 2014. – С. 1157–1164.
2. Леонтьев, А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 50–71.
3. Овчар, Н. А. Влияние элементов информационного пространства на социальное самочувствие населения / Н. А. Овчар // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 9(57) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2009. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 6). – С. 39–42.
4. Соловьев, Ан. А. Модели образовательного взаимодействия / Ан. А. Соловьев // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 23). – С. 12–15.
5. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.

6. Храпова, В. А. Текст в эпоху информационного общества (становление новой парадигмы) / В. А. Храпова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2008. – № 11. – С. 97–103.

7. Штыров, А. В. Информационная компетентность и условия ее формирования в виртуальной образовательной среде / А. В. Штыров, Н. В. Казанова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 9 (172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 23). – С. 88–91.

Редактор:
Е. В. Кравцова

Компьютерная верстка:
Е. В. Макарова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес редакции и издателя: 400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.
Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)
Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15
E-mail: raissa@vstu.ru

Темплан 2016 г. Поз. № 16ж. Подписано в печать 11.11.2016 г. Формат 60 x 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 6,36.
Тираж 100 экз. Заказ №
Оригинал-макет и электронная версия подготовлены РИО ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.
Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.